

ф. нов 1/3/2 и
Отдельные номера въ Петроградѣ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЯТЬ (65) коп., въ провинціи СЕМЬДЕСЯТЬ (70) коп.,
на станц. жел. дор. 75 коп.

Огонекъ

№ 3 - 1918 г.

ЭВАКУАЦІЯ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКАГО ПЕТРОГРАДА. — Черезъ Троицкій мостъ на вокзалъ.

Рисунокъ съ натуры для журнала «Огонекъ» худ. М. РОШКОВСКАГО.

Выдача „ОГОНЬКА“ для розничной продажи в типографии журнала

(Государственная Типография, Гатчинская, 26, вход со двора)

и во временной конторѣ „ОГОНЬКА“

Галерная 63, кв. 2, комната 4.

Подъ Петроградомъ.

Очеркъ АВГУРА.

Наброски съ натуры для «Огонька» худ. М. АНДРЕЕВА.

Чѣмъ дальше отъ суровыхъ гранитныхъ, закопченныхъ стѣнъ столицы, тѣмъ увѣреннѣй вырисовывается полусытость, полубезопасность продук-

Теперь не то, на облаву обрягается другая облава: развѣдка пресѣкается энергично молочной «контръ-развѣдкой». Въ Шуваловѣ, на примѣръ, дѣло дохо-

дило уже не разъ до боя... Бьютъ пока—одни кувшины, опаковые молочники съ пѣнистой, питательной влагой, четвертные бутылки, наполненные молокомъ.

— Не пустимъ къ намъ, объѣдаете нашихъ дѣтишекъ. Будетъ. Побаловались молочкомъ...

Выхватываютъ изъ рукъ горожанокъ посуду и съ трескомъ, разбрызгивая опасную жидкость и молочные пузыри, швы-

ряютъ о промерзлую землю, шпалы, рельсовые накладки...

Краснолицыя, бѣловолосыя дочери Кунисальми, а также и Мунисальми хладнокровно пересчитываютъ въ это время жатву линючихъ «кереенокъ», однимъ глазкомъ поглядывая на «гражданскую войну» петроградскихъ съ «зимогорами»...

* * *

...Морозное утро. Такъ свѣжо, такъ восхитительно играетъ суровое и замороженное, какъ кусокъ озерного льда, небо—всеми оттенками сине-розового перламутра. Въ Питерѣ—копоть, грязь, толкотня, глухіе выстрѣлы, всеобщая истерика, недовольство другъ другомъ, цѣны, безобразно поднимающіяся, какъ шквалъ въ расхолодившемся морѣ, все вверхъ и вверхъ...

А тутъ въ нѣсколькихъ верстахъ—отъ

всероссійскаго, республиканскаго, можно сказать, «Вавилона»—отпечатокъ стародавней идилліи.

Вотъ, на запасные пути съ вечера вкатили составъ полуплатформъ, груженныхъ отличными березовыми швырками. Полѣнья серебрятся соблазнительно въ парчевомъ уборѣ крѣпкаго, поблескивающего инея.

Жители поселка у станціи обрадовались. «Вотъ опять мы будемъ съ запасомъ топлива»...

Но имъ объявляютъ:

— Граждане и товарищи! У насъ нѣтъ разгрузчиковъ, нѣтъ каталей. Вамъ придется, товарищи и граждане, самимъ помочь себѣ..

— Готовы.

— И отлично. Пріѣзжайте тогда примехонько къ вагонамъ съ салазками, вотъ вамъ мѣрка, подъ веревкой, погонной сажени. Мѣряйте, укладывайте, платите и свозите,—словомъ, проявляйте полную «самодѣтельность»...

Начинается работа, не та, что въ недовольномъ, всегда брюзжащемъ и куксящемся Петроградѣ, а веселая, полная молодой энергіи, брызжущаго веселья, смѣха...

На Синельниковскомъ складѣ, въ Лѣсномъ, мнѣ доводилось видѣть понурья фигуры, злобно стиснутыя челюсти людей, согнанныхъ къ узкоколейкѣ нуждой, выгружающихъ устало и недовольно дрова.

А здѣсь, подъ городомъ, на крѣпкомъ снѣгу, розово и пріятно отражающемъ блескъ неба, идетъ та же работа въ иномъ темпѣ...

тами—на мрачномъ фонѣ петроградской методической, карточно-продуктовой голодовки.

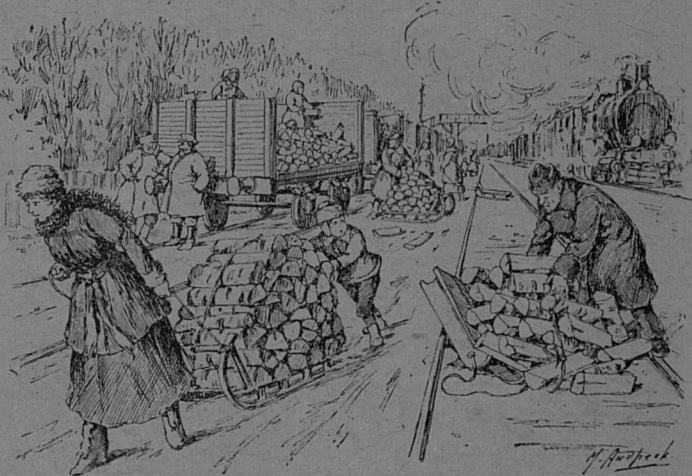
Не такъ давно самыя отважныя хозяйки, обремененныя чадами, уѣзжали въ Лугу, пускались въ путешествіе и дальше, къ Искову. Теперь эти пути забронированы. Если ѣхать, такъ только въ Шувалово, не дальше—можно.

Сюда и съѣзжаются за молокомъ со всѣхъ этихъ голодныхъ, отошальныхъ Бармалѣевыхъ улицъ и М.-Посадскихъ... На чухонскъ съ жестяными, туго завинченными бадьями устраиваютъ по всѣмъ правиламъ легкой полевой стратегіи форменныя облавы.

О цѣнахъ и рѣчи нѣтъ. «Все куплю—сказало»—не злато, а по его сомнительной довѣренности—линючая, затекшая дешевой литографской краской «керенка»...

Пріѣзжія барыни въ азартѣ, продиктованномъ голодомъ, перспективой некормленной шеренги дѣтей и утомительностью пути—мужественно борются за обладаніе тѣмъ или инымъ жбаномъ.

До поры, пока гастролирующій, заѣзжій голодъ не наложилъ цѣликомъ своей печати на все молоко, «зимогоры» терпѣли, угрюмо поглядывая.

Рукописи, присланные без обозначения условий, оплачиваются по определению редакции. Возвращение рукописей не обязательно. Редакция просит фотографов-любителей и профессиональных присылать отчетливые снимки выдающихся событий. Помещенные в журнал фотографии оплачиваются по принятой редакцией расцѣнкѣ.

Еженедѣльный художественно-литературный
ЖУРНАЛЪ

ОГОНЬКА

Годъ изданія 11-й.

Цѣна „Огонька“

въ розничной продажѣ:

въ Петроградѣ 65 коп.

въ Петроградѣ 70 коп.

на ст. жел. дор. 75 коп.

Редакція „Огонька“

Петроградъ, Офицерская ул.,
№ 54.

№ 3

Воскресенье, 24 (11) марта 1918 г.

3

Перепечатка литературного, художественного и фотографическаго матеріала „Огонька“ безъ полнаго указанія источника воспрещается (Законъ 20 марта 1911 г.).

Разсказъ А. В. АМФИТЕАТРОВА.

Иллюстрировалъ для „Огонька“ худ. И. ВЛАДИМІРОВЪ.

Итакъ, вы хотите отъ меня необыкновенныхъ разсказовъ о необыкновенныхъ встрѣчахъ, которыя имѣлъ я въ своей многоопытной жизни? Хорошо. Буду имѣть честь разсказать вамъ личное мое знакомство съ цѣлой компаніей вѣдьмъ, которымъ я былъ осчастливленъ лѣтомъ 1881 г...

— На Брокенѣ или Лысой горѣ?

— Нѣтъ, въ селѣ Киткинѣ—очень тихомъ и мирномъ захолустьѣ Нижегородской губерніи, куда завезъ меня, юношу, гостить разудалый помѣщикъ, носившій лермонтовскую фамилію... ну, чтобы не называть настоящей, скажемъ хоть—Грушницкій. Былъ онъ уже старикъ, но человѣкъ совершенно неумнаго права на кутежъ и широкую жизнь. Внуку и сыну баръ-откупщиковъ, превесело добѣдалъ онъ свои миллионныя наслѣдственные и выкупныя, проводя жизнь такъ, какъ будто крѣ-

постное право никогда не было отмѣнено въ Россіи. Съ хоромъ пѣвчихъ, оркестромъ музыкантовъ и даже не безъ гарема. И въ округѣ все еще слыла, по старой памяти, дворцомъ полуразвалившейся усадьба его надъ озеромъ, съ пятью маленькими островами, которымъ еще дѣдомъ Грушницкаго приданы были географическія очертанія и названія пяти частей свѣта. Въ центрѣ наибольшаго острова—«Африки»—помѣщалась увеселительная бесѣдка. Тамъ обиталъ и хранилъ разные съѣстные и питьевые припасы предрахлаый старецъ-слуга, носившій кличку Ливингстона. Экспедиціи къ этому Ливингстону развеселой гостевой компаніи Грушницкаго начинались съ утра и продолжались до поздней ночи, такъ какъ Грушницкій увѣрялъ, что онъ—природный Стэнли. Всѣ гости тоже получили имена разныхъ афри-

канскихъ путешественниковъ. Я долго слылъ Эминъ-бею, но когда Грушницкаго угораздило подраться съ земскимъ врачомъ Козловымъ, то имя Эминъ-бея было передано побитому эскулапу въ воспоминаніе подобнаго же казуса между настоящимъ Стэнли и настоящимъ Эминъ-бею. Меня же стали звать Альфредомъ Брѣмомъ, хотя я и увѣрялъ что—рано:

— Вѣдь я вашей жизни еще не описывалъ.

Хозяйствомъ Грушницкаго,—онъ былъ давній вдовецъ,—завѣдывала немолодая, но со слѣдами замѣчательной южнорусской красоты особа, носившая имя Марьи Матвѣевны и званіе экономки, но, по существу, полная госпожа имѣнія, капиталовъ и самого барина. Кто читалъ моихъ «Восьмидесятниковъ», можетъ быть, вспомнить Марину Палтелеймонову: какъ характеръ,—въ зна-

чительной степени съ нея писана. Кромѣ этой полубарыни, женскій полъ на «господской половинѣ» представленъ былъ лишь сестрою Грушницкаго, весьма пожилою дѣвицею, добрѣйшимъ, но несноснѣйшимъ существомъ — живою карикатурою старо-институтскаго воспитанія. А пуще всего — «синій чулокъ». Въ юности переписывалась съ Швыревымъ, а потомъ съ Майковымъ и Фетомъ. Сама усердно писала стихи и, что всего ужаснѣе, dokonчила пушкинскаго «Евгенія Онѣгина» и страстно любила почитать это свое произведеніе вслухъ. Я былъ на этотъ счетъ ея излюбленною жертвою. Дѣвица Грушницкая владѣла размѣромъ и риемою: стихи такъ и щелкали. Но что за чепуху она несла, — Господи ты Боже мой! Помню лишь, что Онѣгинъ въ условіяхъ какихъ то необыкновенно романтическихъ приключеній открывалъ, что въ холодной Татьянѣ онъ ошибался и никогда ея искренно не любилъ, а всегда любилъ сестру ея, рѣзвую Ольгу. Ольга же, какъ разъ кстати, овдовѣла, и они пресчастливо вступили въ законный бракъ, причемъ тѣнь Ленскаго ихъ незримо благословила, а Татьяна была на свадьбѣ посаженою матерью. Замысловатый сюжетъ свой поэтесса изложила, какъ сама хвасталась, въ двѣнадцати тысячахъ стиховъ... Какъ примется, бывало, ихъ чеканить, — да все на верхнихъ нотахъ — смерть моя!... А главное: куда отъ нея ни сбѣжишь, найдешь и дочитаешь. Съ горя я сталъ уже скрываться въ каретный сарай — красить колеса у новой брички, купленной Грушницкимъ. Кажется, они въ

Замѣтила mademoiselle Грушницкая, что я отъ ея поэзіи отлыниваю, и очень огорчилась:

— Вотъ, — говоритъ, — всегда такъ. Никто меня не понимаетъ. Я ждала въ васъ видѣть юношу съ идеальной душой, а вы —

«...Я былъ на этотъ счетъ ея излюбленной жертвой...»

такой же грубый, какъ всѣ нынѣшніе молодые люди... Небось, отъ Дунечки Алымовой вы не бѣгаете и стихи ея слушаете да хвалите. А что она умѣетъ? И съ размѣромъ то не справляется, а ужъ риемы, риемы!! Сочиняетъ, какъ простонародная дѣвка пѣсню поетъ.

Поникъ я головою, потому что — и жалъ мнѣ бѣдной поэтессы, Грушницкой, а и то правда: отъ Дунечки Алымовой не бѣгалъ, и стихи ея, хотя съ хромымъ размѣромъ и плохими риемами, мнѣ очень нравились...

Сосѣди Грушницкихъ, Алымовы, были не то, чтобы безвыходно бѣдные люди, потому что имѣніе ихъ «Рясь», хотя и запущенное, себя оправдывало, — но въ конецъ раззоренные. Въ прошлыхъ поколѣніяхъ широкою жизнью предковъ, а въ настоящемъ — многолѣтностью старика Алымова, наплодившаго въ трехъ бракахъ неисчислимую уйму дѣтей и почти все дѣвчонокъ. Дѣвчонки выросли въ барышень, заневѣстились, а выдавать замужъ было ихъ не съ чѣмъ, кромѣ красоты, потому что даже и образованія то имъ — въ большинствѣ — Алымовъ дать не оспилилъ. Но молодо и весело у Алымовыхъ было «до чрезвычайности», почему мы, китинская молодежь, охотно сбѣгали отъ великолѣпныхъ угощеній Грушницкаго въ «Рясь», къ алымовской простоквашѣ съ чернымъ хлѣбомъ и къ гречневой кашѣ съ квасомъ.

Дунечка Алымова, къ стихамъ кото-

рой ревновала насъ почтенная завершенница «Евгенія Онѣгина», была, дѣйствительно, дѣвица презамѣчательная: и собою хороша, и кругомъ талантлива. При настоящемъ образованіи и воспитаніи изъ нея могла бы выработаться большая женская сила... Но:

— Я дворянская дочь захолустная,
Живу старымъ родительскимъ вѣкомъ,
Знаю, что судьба моя грустная:
Не быть мнѣ никогда чело-
вѣкомъ...

Такими стихами начиналась длинная поэма, въ которой эта Дунечка описала свое житиѣ-бытѣ въ домѣ отеческомъ: поэма безъ начала и безъ конца, что то вродѣ дневника въ риемованныхъ строчкахъ, потому что каждое маломальски интересное событіе въ ея узкомъ, тѣсномъ, однообразномъ мірѣ немедленно находило въ Дунечкѣ поэтическій откликъ. Къ сожалѣнію, записывала она мало: стыдилась своей малограмотности и боялась, не попались бы ея вирши какъ нибудь случайно кому-либо изъ образованныхъ и не поднялъ бы онъ сочинительницу на смѣхъ и за дерзость сочинять, и за ошибки противъ грамматик и правонисанія.

А, между тѣмъ, я говорю съ увѣренностью, что въ Дунечкѣ погибъ безплодно и безслѣдно — очень крупный и яркій поэтический талантъ. Когда впоследствии я познакомился съ поэзіей М. А. Лохвицкой-Жиберъ, такъ рано похищенной у русской литературы неумолимою смертью, мнѣ, читая ея

Дунечка Алымова.

ту пору у меня всѣ цвѣта по очереди перемѣнили. Туда жестокая поэтесса не проникала, потому что терпѣть не могла запаха збруи и хомутовъ.

Черемиска Чуца.

страстные вопли, не разъ чудилось, будто я ихъ уже слышалъ когда-то. И это правда: вспоминалась Дунечка Алымова съ дикимъ паѣосомъ ея буйнаго темперамента вакханки, запертой въ

терему. Нечего и говорить, что простодушные вирши невѣжественной Дунечки рядомъ съ изящными, звонкими, отточенными, поющими какъ ручей стихами высоко культурной Лохвицкой показались бы жалкими и грубыми, смѣшными, даже, можетъ быть, уродливыми. Но—въ нихъ пѣло... нѣтъ, скорѣе кричало и выло родство общихъ чувствъ и настроеній. Тѣхъ, которыя и у Лохвицкой, въ ювелирной отдѣлкѣ, пугаютъ иногда сверканіемъ слишкомъ мрачнаго сладострастія: вдругъ, словно язычекъ адскаго пламени прорвется сквозь землю и лизнетъ воздухъ до самаго неба.

Все фантастическое Дунечка тоже, какъ Лохвицкая, умѣла воображать съ яркою живостью. Была великая мастерица сказывать сказки и одно было досадно: Дунечка никогда не могла повторить сказку въ томъ видѣ, какъ однажды ее разсказала. Какъ пойдетъ шесті, точно кружево, новыя подробности и картины,—глядь, такъ ими окружится и оплетется, точно иной разъ забудетъ, съ чего начала, и кончитъ совсѣмъ не тѣмъ, что намъ обѣщала.. Съ стихотворными своими импровизациями она ладила лучше. Должно быть, помогали размѣръ и рима—держали на привязи память и фантазію, не позволяли имъ убѣгать, куда случайною мыслью метнуло, и рѣзвиться по сторонамъ. Сочиняла она съ удивительною легкостью и быстротою. Помню: однажды, уже позднимъ лѣтомъ, подъ вечеръ, выпало старымъ Алымовымъ большое горе, а намъ, молодымъ, то есть гостямъ алымовскихъ барышень и имъ самимъ,—увы! къ стыду нашему—развлеченіе. Загорѣлись за «Рясю» отъ неизвѣстной причины скирды на дальнемъ жнивѣ. Было страшно и красиво. Огонь бѣжалъ красными языками въ бѣломъ дыму по землѣ десятины двѣ. Наткнулся на рѣчку Стрыйку, притокъ Стрыи, и словно испугался, повернулъ вдоль нея, но не одолѣлъ встрѣчнаго болотца подъ ивнякомъ и погасъ самъ собою... Когда мы, налюбовавшись и наволновавшись, возвращались гурьбою домой, Дунечка шла, немного отставъ и задумчивая. А, когда мы вошли въ домъ, — говоритъ:

— Хотите слушать—я вамъ спою новый стихъ? Сейчасъ сочинила. Будетъ называться «Пѣсня огненной русалки».

Одна изъ сестеръ Алымовыхъ, всегда отличавшаяся положительностью мысли, а потому всегда же бывшая въ оппозиціи, замѣтила, что слушать она рада, но—уже въ самомъ названіи слышитъ «яррунду»: излюбленное бранное слово нашей тогдашней компаніи, которое мы, для шика, произносили черезъ «я» и съ жестокимъ раскатомъ на «р». Русалки бываютъ водяныя и лѣсныя, которыя качаются на деревьяхъ, а огненныхъ русалокъ не бываетъ и не можетъ быть, потому что ихъ натура влажная,—стало быть, встрѣтятся съ огнемъ, русалка должна зашипѣть и расточиться паромъ...

— Ну, и пускай нѣтъ,—возразила Дунечка,—а я хочу, чтобы были. И ты,

смѣшно, смѣшно съ нею, а, вдругъ, и жутко станешь, потому что, вдругъ, какъ начнетъ она мѣпяться въ лицѣ, то краснѣе кумача, то бѣлѣе савана, въ глазахъ—звѣзды, голосъ другой совсѣмъ сдѣлается, звонкій, пронзительный, четкій и вся—будто не своя: Дунечка—и не Дунечка...

Стихъ объ «Огненной русалкѣ» я записалъ. Вотъ онъ,—а въ немъ вся Дунечка Алымова.

Что ты шепчешь—говоришь?
Ты не тронь меня! Не тронь!
Поцѣлую—и сгоришь:
Ты солома, я—огонь.
Что ты просишь? Чего ждешь?
Коли разикъ обниму,

Безъ остатка пропадешь,—
Я тебѣ не по уму.
Вихремъ — пламенемъ въ ночи
Мчусь я, дѣвка — огонекъ:
Мои груди горячи,
Мое сердце — уголекъ.
Я бѣгу, бѣгу, бѣгу,
Свѣтомъ — полымемъ палю...
Что ни встрѣчу, то сожгу,
А себя не утолю.
Стрыйка! рѣчка — серебро!
Тебѣ въ ножки поклонюсь:
Ты залей мое нутро,
А то пепломъ развалюсь!...
Стрыя — рѣченька молчитъ,
Только струйкою журчитъ...
Я опять лечу въ поля,
Пламенѣя, пепеля...
Ой, горю! Вскипѣла кровь!
Косы дымомъ завилились...
Ты лови меня, любовь,
Да смотри — не обожгись!

«...Ага! больно? А вѣдьмѣй хочешь быть?...»

если хочешь слушать, то противъ меня не встрѣвай, а то я и пѣть не стану...

Она про свои стихи всегда выражалась—не «читать», не «говорить», не «сказывать», а—«пѣть»... И, въ самомъ дѣлѣ, она не то, чтобы вовсе пѣла ихъ, а подавала слова вродѣ опернаго речитатива. А, когда очень оживлялась, то, произвольно, сопровождала ихъ—очень красиво—ритмическими движеніями рукъ и тѣла и иногда даже приплясывала и кружилась на мѣстѣ... Насъ эти ея внезапныя плясочныя вдохновенія ужасно смѣшили. Да и она сама, когда опомнится, бывало, хохочетъ вмѣстѣ съ нами. Но мнѣ, уже тогда влюбленному въ Ломброзо, Крафтъ-Эбинга и прочихъ «психопатологовъ», чувствовалось, что это не просто, что на Дунечку въ эти минуты «находить»... И, бывало, все

Вѣдь отъ этого огня
Пропадать и мнѣ самой...
Дальше, дальше отъ меня
Уходи, голубчикъ мой!...

Этотъ пѣсню Дунечка подѣлилась съ нами, но, вообще то она, въ противоположность mademoiselle Грушницкой, не любила посвящать чужихъ въ свои вдохновенія, а многихъ ея стиховъ даже и сестры не слышали. Знала ихъ только неразрывная пріятельница Дунечки, простая деревенская дѣвушка Катя, дочка-пріемышъ въ богатой крестьянской семьѣ, изъ подкидышей, и, по молвѣ уѣздной, плодъ несчастной любви покойной Дунечиной метери, второй супруги господина Алымова. Катя эта тоже была престранное существо. У Алымовыхъ ее дрязнили, будто она:

— Еще дѣвчонкою въ вѣдѣмы просилась, да не взяли.

— И отлично, что просилась,—защищала Дунечка,—я бы и сама повѣдилась, если бы знала какъ.

— Вотъ вась, за такія слова, ужь Богъ накажетъ,—стращали мы,—угодите къ бѣсамъ на сковороду.

— Угожу, такъ мое дѣло: мнѣ жариться, а не вамъ.

А съ Катю въ дѣтствѣ, дѣйствительно, было такое приключеніе, что она собралась было опредѣлиться въ вѣдѣмы. И однажды она намъ это свое похождение подробно рассказала. Поводомъ послужила приключившаяся тѣмъ лѣтомъ не совсѣмъ обыкновенная смерть одной дряхлой и нищей старухи.

На полпути изъ Киткина въ «Рясь» въ одинокой избушкѣ, уцѣлѣвшей отъ разбѣжавшихся выселковъ, жила-была, откачнувшись отъ людей, безъ рода, безъ племени, нелюдимая, нищая, полоумная старуха, по прозвищу Карловна — очень древній чело-вѣкъ... Изъ какихъ она была, откуда досталось ей странное нерусское прозвище, никто въ тѣхъ краяхъ точно не помнилъ. А престарѣлый «Ливингстонъ» Грушницкаго рассказывалъ, со словъ своего покойнаго отца, что Карловна — не то шведка, не то чу-жонка, которую еще дѣдъ Грушницкаго завезъ въ свою глушь какъ любовницу. Но несчастные роды погубили ея

юную красоту и помutilи разсудокъ. Барину надобно видѣть въ домѣ жилой упрекъ,—онъ выселилъ «нѣмку» въ дальній флигель, подъ надзоръ скотницы, бабы звѣровидной, вздорной и свирѣпой. Вѣдѣма эта быстро довела женщину, сданную ей въ распоряженіе, непосильною работою и побоями почти что до идиотизма. Однажды злосчастную жертву вынули изъ петли едва живою. Барина это происшествіе испугало и разстроило настолько, что онъ разсудилъ истинно Соломоновскимъ судомъ: выгнать за ворота обѣихъ—скотницу-палачиху,—какъ смѣла замучить «нѣмку» до того, что та наложила на себя руки,—и ожившую жертву,—какъ смѣла давиться въ господской усадьбѣ, наводя на своего благодѣтеля непріятности слѣдствія и дурныхъ слуховъ. Выгнанная скотница поселилась въ близнемъ уѣздномъ городѣ Пнѣ и занялась тай-

ною продажею вина, которая пошла у нея весьма успѣшно. А выгнанной нѣмкѣ некуда было пойти—кромѣ какъ къ той же звѣровидной бабѣ, которая сама милостиво предложила ей миръ и приютъ. Закабалила и обратила въ уѣздную проститутку. Кабала безжалостная, безпросвѣтная тянулася нѣсколько лѣтъ, въ которыя молодая женщина, въ истощеніи отвратительнымъ трудомъ и нещадными хозяйскими побоями, успѣла окончательно увянуть и уже начала приобрѣтать зловѣщій обликъ будущей Карловны. Хозяйкѣ, давно обзаведшейся новыми свѣжими дѣвками, она стала ненужна: лишній ротъ, даромъ хлѣбъ ѣстъ. Однажды, баба, придравшись къ какой то малой неисправности, побила Карловну больнѣе, чѣмъ та привыкла терпѣть. Карловна, обык-

замерзшую женщину—безчувственную, но еще живую. Это была Карловна. Шла она только что не въ лѣтнемъ платьишкѣ.

Оттаяли ее. Живучій организмъ какъ то сумѣлъ вынести и это новое несчастье. Послѣ нѣсколькихъ недѣль болѣзни, женщина выздоровѣла, но встала съ почти что смертнаго одра своего уже совершенною старухою. Обидчикъ ея, старый Грушницкій, въ это время уже умеръ. А сынъ его и наслѣдникъ пожелалъ быть великодушнымъ: подарилъ Карловнѣ избу и назначилъ изъ своей конторы мѣсячину—рубль деньгами и сколько то хлѣбомъ.

Великодушный подарокъ молодого барина имѣлъ, впрочемъ, не весьма великодушную подкладку: изба, которую онъ пожертвовалъ бѣдной Карловнѣ, была почти новая и очень хорошая, но въ

«...Уже близко Киткина подобралъ онъ въ сани лежавшую у дороги замерзшую женщину—безчувственную, но еще живую...»

новенно, безмолвная сдѣлала страшные глаза и, грозъ обидницъ пальцемъ, произнесла, на ломаномъ русскомъ языкѣ странные слова:

— Шаль тепе. Путиль корель.

Вѣроятно, бѣдная женщина хотѣла сказать: «въ аду». Но хозяйка завопила, что «нѣмка» грозитъ ей поджогомъ, и, ежели такова ейная благодарность за многолѣтнюю хлѣбъ-соль, такъ—вонъ съ моихъ глазъ, чтобы духомъ твоимъ у меня не пахло... Карловна забрала свои жалкіе пожитки и ушла.

Это было передъ Рождествомъ, въ морозы. Карловнѣ было все равно, гдѣ погибать. Какой то слѣпой инстинктъ повелъ ее по дорогѣ въ Киткино... Къ великому ея счастью, тѣмъ же самымъ путемъ фхалъ, возвращаясь съ приходской требы домой, киткинскій священникъ. Уже близко Киткина подобралъ онъ въ сани лежавшую у дороги

ней никто не хотѣлъ жить, потому что она оказалась «несчастною». Первая семья, въ ней поселившаяся, очень вскорѣ затѣмъ, въ одно утро, найдена была бездыханною отъ перваго до послѣдняго чело-вѣка: умерли угаромъ. Послѣ того она съ годъ стояла пустою. Наконецъ, нашелся смѣлый бобыль, который попросилъ позволенія въ ней поселиться. Но черезъ недѣлю ушелъ въ лѣсъ съ ружьемъ на охоту и пропалъ безъ вѣсти, и только весною нашли верстахъ въ пятидесяти отъ Киткина обглоданный волками скелетъ его, признанный лишь по кресту да лежавшей подлѣ мѣдной тавлинкѣ. Опять запустѣла изба, окруженная еще пущимъ суевѣрнымъ страхомъ. Третій посель оказался не болѣе счастливымъ. На этотъ разъ въѣхала большая семья, но не успѣла въѣхать, какъ случилась новая бѣда: молоденькая сноха зарубила топоромъ свекра.

Карловну очень предупреждали против опасностей страшной избы, но она вряд ли даже понимала, что ей говорили. На образованных людей она произвела впечатлѣніе невѣяемо безумной, на крестьянъ ея молчаніе и пугливо враждебный взглядъ нагнали мистическій страхъ. Жила она въ избѣ одна одинешенька и ничего худого съ нею не случалось; напротивъ, она какъ будто поправилась здоровьемъ и чуть чуть просвѣтлѣла разумомъ...

Тогда стали говорить, что нисколько не удивительно, если Карловна мирно уживается съ нечистою силою, которая столь очевидно губила прежнихъ хозяевъ страшной избы: ясное дѣло, она сама «знаетъ». А тутъ еще приключилось удивительное совпаденіе. Въ Пнѣ справлялась очень пышно богатая мѣщанская свадьба. Хмѣльные гости, выходя курить въ сѣни, заронили искру; домъ вспыхнулъ и до тла сгорѣлъ. Всѣ поѣзжане, однако, спаслись, за исключеніемъ мертвой пьяной свахи, которую за нѣсколько минутъ передъ пожаромъ вынесли въ боковушу для протрезвленія, да въ попыткахъ тамъ и забыли. Погибшая въ пламени сваха была не иная кто, какъ прежняя лютая хозяйка Карловны — звѣровидная скотница. Припомнили, какъ Карловна предсказала ей:

— Жаль тебя. Будешь горѣть.

Вотъ и сбылось: сгорѣла.

Столь точное пророчество окончательно возвысило Карловну на уровень существа таинственнаго и вѣщаго. Репутація эта въ дикихъ мѣстахъ двуострая: и почетна, и опасна. Приключись о ту пору въ Киткинѣ или по близости какія нибудь крупныя мужичьи бѣды, онѣ, конечно, были бы приписаны злобному вѣдовству Карловны. Но, на ея счастье, округа прожила нѣсколько безусловно благополучныхъ лѣтъ, безъ эпидемій, скотскаго падежа, съ урожаями безъ червя и градобитія. А сверхъ того это несчастное, безвинно раздавленное судьбою созданіе успѣло своею безотвѣтностью внушить состраданіе двумъ весьма могущественнымъ силамъ округи: киткинскому батюшкѣ и чрезвычайно прославленной въ уѣздѣ знахаркѣ, изъ села Топорнаго, черемискѣ Чучѣ. О Чучѣ этой мѣстный земскій врачъ, Петръ Васильевичъ Козловъ, медикъ умный, знающій и искусный, хотя постоянно пьяный, говорилъ мнѣ совершенно серьезно, что, конечно, на факультетскомъ медицинскомъ экзаменѣ, она спасовала бы хуже самаго слабаго студента-первокурсника, но врожденный талантъ къ диагнозу Богъ далъ этой черемискѣ прямо таки изуми-

тельный, а колоссальная практика вооружила этотъ талантъ опытностью, и потому, при всей бѣдности ея аптеки, ея назначенія почти всегда умны и удачны. Услыхавъ о новой вѣдунѣ, Чуча сперва испугалась было конкуренціи. Но — пріѣхала испытать соперницу, сразу опредѣлила въ ней тихую умалишенную, узнала, что она не только не лечитъ и не гадаетъ, а напротивъ, прячется отъ пріобѣгающихъ къ ея по-

— Къ Чучѣ поди. Она лечитъ. Къ Чучѣ.

Врачебная система Чучи была построена при очень удачномъ діагнозѣ на большой осторожности: больного, который казался ей очень опаснымъ, она не бралась лечить ни за какія деньги, а посылала христіанъ — къ святымъ мѣстамъ, магометанамъ совѣтовала путешествіе къ Меккѣ, своимъ соплеменникамъ изъ некрещеныхъ вотяковъ и черемисовъ — жертвоприношенія ихъ дубравнымъ богамъ: словомъ, сдавала кліентовъ въ руки высшихъ инстанцій, противъ которыхъ апелляцій нѣтъ. Если же она видѣла недугъ мучительный и трудный, но существенно неопасный и по силѣ ея знаній и средствамъ, то она прежде всего запугивала паціента:

— Запустилъ ты, милый, болѣзнь свою, — избѣла она тебя. Ужъ не знаю, осило ли я тебя поправить.

А затѣмъ вылечивала его съ такою быстрою послѣдовательностью, что паціентъ видѣлъ въ своемъ исцѣленіи чудо и трубилъ славу Чучи изъ всѣхъ легкихъ всюду, гдѣ только могъ.

При подобномъ образѣ дѣйствій понятно, что больные, посылаемые Карловною къ Чучѣ, либо выздоравливали и были безконечно благодарны обѣмъ, либо помирали, не имѣя оснований на нихъ жаловаться: противъ Божьей воли сила знахарки — пузырь на водѣ... Чуча, съ своей стороны, находила выгоднымъ внушать нашимъ крестьянамъ самое высокое понятіе о вѣдовской силѣ Карловны:

— Вы эту бабочку берегите, — внушала она. Она много знаетъ: ухъ, сильная! Оттого и молчитъ, что ужъ очень много знаетъ. Премудрость и сила ей даны, можетъ быть, на десять такихъ, какъ я. Пока вы съ Карловной въ ладу, вы за нею — какъ за каменною стѣною. Вы ее пріютили, а она вамъ благодарна и стережетъ васъ отъ злыхъ людей. Будете ее беречь и она васъ упасетъ отъ всякой лихой обиды....

Такимъ образомъ, безумную Карловну, какъ нѣкая блестящая паутина, оплела репутация вѣдмъ, изъ ряду вонъ могущественной, но къ Пневскому уѣзду благоволящей и доброй, а потому неопасной. Окончательно эта счастливая репутация установилась послѣ Севастопольской кампаніи, когда возвратившіеся изъ Крыма ратники занесли въ губернію тифозную эпидемію, которую населеніе приняло за холеру. Началась паника.

Чучу ея топорновцы держали чуть не въ плѣну, требуя:

«...А поутру возвратилась изъ лѣса Карловна въ ужасномъ видѣ...»

мощи людей, и рѣшила, что конкурентка не только не изъ опасныхъ, а, напротивъ, можно еще за ея счетъ поднять свой собственный авторитетъ. И вотъ — ужъ не знаю, какими вліяніями и средствами, но хитрая черемиска привлекла къ себѣ одичалую Карловну настолько, что затѣмъ, когда кто либо, въ поискахъ врачебной помощи, стучался къ Карловнѣ и побуждалъ ея молчаніе, она угрюмо ворчала:

— Отгони холеру, а не то — воть только умри хоть одинъ у насъ въ Топорномъ, мы тебя живую закопаемъ въ землю...

Однако знахарка присутствія духа не потеряла и отвѣтственности на себя не взяла, увѣряя:

— А что я могу? Я въ округѣ не старшая. Просите Карловну. Она сильнѣ меня.

Топорновцы пришли просить Карловну, по дорогѣ захвативъ введенскихъ, киткицевъ и др. Къ великому благополучію Карловны они не нашли ея дома; потому что, въ противномъ случаѣ, не добившись отъ нея благопріятнаго отвѣта на свои просьбы, они, вѣроятно, убили бы ее на мѣстѣ: вѣдь ей то переложить отвѣтственность было уже не на кого, да и какъ бы ей, сумасшедшей, пришло въ голову? Но Карловна имѣла обыкновеніе совершать, время отъ времени, какія то странныя отлучки въ лѣсъ — всегда внезапно: вдругъ чего то затревожится, сбѣгается безпокойная, сердитая — и исчезаетъ на день, на два, на три, однажды пропадала цѣлую недѣлю... Въ пору подобнаго исчезновенія и пришли къ ней на поклонъ крестьянскіе послы. Отсутствіе Карловны произвело на нихъ дурное впечатлѣніе, показалось подозрительнымъ: сбѣжала, чтобы не помогать своимъ..... Въ лѣсу искать ея не рѣшились: чортъ ее знаетъ, вѣдьму, съ какими лѣшими она тамъ валандается?

Еще обернуть всѣхъ волками!.. Постановили ждать... Но на завтра къ вечеру пришли добрыя извѣстія изъ Топорнова, что больные поправляются и новыхъ заболѣвшихъ нѣтъ; а изъ Пня, что и тамъ болѣзнь сразу ослабѣла и пошла на убыль, очевидно, рѣшивъ отступить отъ нашего уѣзда. А поутру возвратилась изъ лѣса Карловна въ ужасномъ видѣ: избитая, ищарапанная, съ запухшимъ глазомъ, съ растрепанными и сильно порѣдѣвшими волосами. Кто и за что ее такъ жестоко отдѣлалъ, осталось неизвѣстнымъ: она не могла или не хотѣла ничего объяснить. Но при видѣ этихъ ужасныхъ побоевъ вдругъ въ нѣсколькихъ мужицкихъ головахъ сразу родилась одна и та же мысль:

— Вотъ отчего больные то выздоравливаютъ и болѣзнь побѣжала изъ округи. Это Карловна ходила въ лѣсъ драться съ холерой и одолѣла ее...

Предположеніе сразу же полюбились, показалось, какъ все желанное, вѣроятнымъ и зашумѣло по округѣ. Отсутствіе новыхъ заболѣваній дало ему опору. Дня черезъ три уже нѣсколько очевидцевъ клятвенно увѣряли, что были свидѣтелями столкновенія холеры съ хранительницею уѣзда:

— Сперва Карловна со всею вѣжливостью просила холеру уйти чествомъ, а та и ухомъ не повела. Тогда Карловна говорить ей:—Эй, холера, уймись! Слушайся, пока я тебя добромъ велю, а не

то призову на тебя великую силу... А холера ей:—Знаю, Карловна, что ты сильна, да только нашла коса на камень: приказано мнѣ взять изъ Топорнаго сто душъ, да изъ Введенскаго сто душъ, да изъ Киткина пятьдесятъ, а со всей округи пятьсотъ душъ. И супротивъ того ничего ты не можешь препятствовать, потому что мой-то старшой выходитъ посильнѣе твоего... А Карловна разсердилась, толъ ногою:—Я, говорить, твоего старшого вмѣстѣ съ тобою въ бутылъ запрячу и въ бучило зашвырну! Какъ это ты позволяешь себѣ разговаривать со мною подобныя дерзости? Не то, что пятисотъ душъ,—кошки единой — и той я тебѣ не дамъ. Сейчасъ убирайся вонъ изъ уѣзда, а не то узнаешь ты мою сильную руку!.. Холера хорохорится, лапами машетъ, все свое:—Нѣтъ, говорить, хоть самого набольшаго зови, не уйду: я въ своихъ правахъ!.. Но наша:—Какія такія твои права, чтобы погублять безвинный народъ? Стану я изъ за подобной дряни безпокоить своего набольшаго! Выходи, что ли: приму тебя на лѣвую ручку!.. Холера разсвирѣпѣла, выросла, что береза, да—какъ хватить нашу: видѣли подъ глазомъ синякъ то? Вотъ оно! Потому кулакъ у холеры костистый и вся она—какъ скелетъ, только что бабья одежда и ноги пѣтушьи... А наша, недолго думая, выросла съ дубъ, да хватъ ее за виски, согнула въ три погубили и ну таскать!.. Она таскаетъ,

Въ Петроградской Трудовой Коммунѣ.

1) Тов. Троцкий, предсѣдатель военно-революціоннаго комиссаріата; 2) членъ этого комиссаріата тов. Урицкий; 3) комиссаръ совѣтской печати, пропаганды и агитаціи тов. Володарскій; 4) комиссаръ социальной помощи тов. Юффе; 5) комиссаръ просвѣщенія тов. Луначарскій и 6) комиссаръ юстиціи тов. Стучка.

Съ отѣздомъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ въ Москву, въ понедѣльникъ, 11 марта, — а по старому стилю 27 февраля, — т. е. въ годовщину революціи, Петроградъ объявленъ Трудовой Коммуной. Во главѣ Коммуны стоятъ особые комиссары. Изъ народныхъ комиссаровъ Россійской федеративной совѣтской республики въ комиссары Трудовой Коммуны вошли: т.т. Луначарскій, Менжинскій и Стучка. Создана новая должность комиссара совѣтской печати, пропаганды и агитаціи. Большевицкій городской голова т. Калининъ получилъ назначеніе комиссаромъ городского хозяйства и городской дума изъ самодовольщаго представителя населенія превратилась въ одинъ изъ аппаратовъ новаго механизма Коммуны. Въ Коммунѣ въ первую очередь созданъ военно-революціонный комиссаріатъ, которому даются чрезвычайныя полномочія для охраны революціоннаго порядка въ Петроградѣ и защиты его отъ внѣшняго врага.

Въ красной Финляндіи.

Финскіе красногвардейцы обстрѣливаютъ поѣздъ, въ составѣ котораго находятся вагоны съ мукой, проданные русскими солдатами частнымъ лицамъ.

К. Маннеръ,
предсѣдатель финляндскаго совѣта народныхъ комиссаровъ, бывшій тальманъ сейма.

Юный красногвардеецъ, замѣститель комиссара на вокзалѣ въ Петроградѣ, разрѣшающій и запрещающій вѣздъ въ Финляндію.

Мирная, трудолюбивая, въ подавляющемъ большинствѣ, консервативная страна тысячи озеръ — Финляндія совершенно неожиданно для себя стала ареной кровавой распри. Волна революціи, хлынувшая изъ Россіи, распространилась по желѣзнодорожнымъ артеріямъ съ юга на сѣверъ и по линіи отъ Вьерборга черезъ Таммерфорсъ къ Кореліи, раздѣлила Финляндію на два фронта: сѣверный — бѣлогвардейскій и южный — красногвардейскій.

За оружіе взялось не все населеніе. Большинство далеко не обтято воинственнымъ пыломъ и предпочитаетъ соблюдать «нейтралитетъ». И если на южномъ фронтѣ образовалась внушительная боевая сила, то это объясняется, главнымъ образомъ, участіемъ русскаго элемента и русскаго оружія, распродаваемаго демобилизуемыми солдатами. На базарѣ въ Выборгѣ и сейчасъ можно встрѣтить солдатъ, предлагающихъ купить у нихъ по очень дешевой цѣнѣ и аммуницію, и сапоги, и пулеметъ, и даже артиллерійскую тележку.

И у финскихъ красногвардейцевъ, которые бросаются въ глаза, главнымъ образомъ, по линіи желѣзной дороги, можно видѣть казенное русское оружіе. Финская красная гвардія быстро организовалась и проявила административныя способности, установивъ по линіи желѣзной

дороги, занятой ею, образцовый порядокъ.

Для проѣзда пассажировъ на станціяхъ выдаются специально отпечатанные пропуска, а для того, чтобы просмотрѣть этихъ про

Красногвардейцы обыскиваютъ багажъ пассажирки, прибывшей изъ дачной мѣстности на вокзалѣ для возвращенія въ Петроградъ.

пусковъ не задерживать поѣзда, въ каждомъ поѣздѣ вѣдутъ специальные контролеры.

Въ результатъ всѣ поѣзда ходятъ по расписанію и безъ опозданій.

Въ Выборгѣ

на вокзалѣ.

Слѣва на право: русскій солдатъ, эвакуирующійся изъ Финляндіи. Типъ финна-красногвардейца съ красными ленточками и розетками на шапкѣ, на груди и на рукавѣ. Финнъ, соблюдающій нейтралитетъ. — Красногвардейскій санитаръ и сестра милосердія.

Демобилизация армии.

По фотографіямъ Скобел. Комитета для „Огонька“.

Домой со своимъ окарбомъ.

Неудержимое стремление домой охватило почти всю русскую регулярную армию. На улицахъ Петрограда, и особенно теперь, въ дни официальной эвакуаціи, сотни деревенскихъ саней тянутся съ бывшими солдатами къ вокзаламъ и даже по грунтовымъ путямъ въ родные углы.

а холера тоже не хочетъ уступить: когтьми-то ее пѣтушыми! когтьми-то!.. Но только—куда же, ослабѣла!..—Пусти! говорить. — А уйдешь? — Отказываюсь отъ пятисотъ, триста дай—уйду!—Сказано—кошки не получишь!—Сто дай!—Кошки не дамъ.—Хоть пятьдесятъ!—Ни-ни.—Десятъ!—И не думай.—Одного!—А вотъ я тебя!—Ну, хоть, въ самѣдѣть кошку развѣши: что тебѣ кошки жалъ, что ли?—Ну, чортъ съ тобой, одну кошку, такъ и быть, возьми, но только отъ сей минуты, чтобы я тебя въ нашемъ краю не видѣла, не слышала!.. Выпустила Карловна холеру изъ рукъ, — та отъ нея, со всѣхъ своихъ пѣтушыхъ ногъ, какъ брызнетъ... Только и видать было... Однако, и нашей, конечно, не даромъ досталось: сами видѣли, какова пришла ..

Разумѣется, въ подобные рассказы вѣрили немногіе, но и совершенные невѣры склонялись къ тому, что—

— Богъ ее вѣсть, что, а что-то было.

И легенда о Карловнѣ, какъ о женщинѣ вѣщей и постоявшей за міръ, плыла широко и утверждалась прочно... Любопытно при этомъ, что особенныхъ симпатій къ ней эта легенда не породила. Думаю, что причинами тому были дикая нелюдимость безумной, ея угрюмая молчаливость и—главное—поразительно безобразная наружность, которую она приобрѣла по мѣрѣ того, какъ старилась. Въ этомъ живомъ скелетѣ въ лохмотьяхъ не то, что нельзя было угадать бывшую красавицу, а даже предположить, будто столь чудовищное существо имѣло когда либо благообразный обликъ. Рѣшительно невозможно было вообразить, чтобы добрая сила могла скрываться въ такомъ зловѣщемъ и почти свирѣломъ уродствѣ, глядѣть такими звѣриными глазами, развѣвать такой черный, будто бездонный провалъ въ землю, широкій ротъ—синегубый, беззубый, но съ уцѣлѣвшими престрашными клыками. Добродѣтельную славу Карловны съ ея подозрительно зловидностью мирили тѣмъ компромиссомъ,

какъ извѣстно, что ни мужикъ, то колдунъ, наслѣдственный и потомственный. Чердынецъ ужасно издѣвался надъ старухой, которая врядъ ли и понимала, съ чѣмъ пристаешь къ ней и чего требуетъ этотъ назойливый бахваль, и къ огорченію разочарованныхъ киткинецъ только дико тарачилась на него, отмалчивалась да старалась забиться въ уголъ. Показавъ нѣсколько нехитрыхъ фокусовъ, чердынецъ совершенно плѣнилъ киткинскихъ мистиковъ, и наплись между ними легкомысленные, которые мало, что провозгласили полную побѣду пришельца, но еще и повезли волшебника угощаться въ введенскій набакъ. Но что же? Выбравшись изъ этого почтеннаго учрежденія, дерзновенные потерпѣли страшное несчастье: спускаясь съ горы къ Стрыѣ, не попали на мостъ, а ухнули съ обрыва мимо. Лошадь убила съ смерти, чердынскій «дока» сломалъ себѣ обѣ ноги и вывихнулъ руку, а поклонники его отдѣлались ушибами и испугомъ. Конечно, были скептики, которые находили, что нѣтъ ничего удивительнаго мертвопильнымъ людямъ, да еще въ черную ночь, потерять дорогу и загнѣть въ оврагъ,—однако, съ этого случая Карловны еще упрочилась:

— Она молъ у насъ такая: молчитъ скрываетъ силу, не бахвалится, — за то ухъ, если надо, — такъ себя покажетъ, не обрадуешься.

Разказы о Карловнѣ ходили безчисленные и все новые и новые: деревенская фантазія точила на ней свою изобрѣтательность, изливала свою страсть

что, конечно, молъ, она, по естеству колдунья и страшная вѣдьма, но, будучи благодарна за кровь и хлѣбъ и соль, вокругъ своихъ мѣстъ не пакостить, а избирать для злодѣяній отдаленные села и города, куда и летаетъ, когда ей угодно, по воздуху, черезъ трубу. А что она вполне способна причинить человеку страшное зло, доказывали ея состязаніемъ съ однимъ могущественнымъ «докою», прѣхавшимъ съ цѣлью посрамить Карловну изъ Чердынскаго уѣзда, — тамъ, вѣдь,

къ чудесному и мистическому. Увѣряли, будто по ночамъ у нея въ избѣ свѣтится огонь въ самое неурочное время, слышались несурзные голоса, и многіе смѣлые люди, подсмотрѣвъ въ щель, видѣли Карловну, сидящую за столомъ и пьющей водку въ компаніи гостя: весь въ сѣрой шерсти, глаза — какъ уголья, а на головѣ козлиные рога.

Катя, въ то время еще двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, съ жадностью прислушивалась къ повѣстямъ о волшебномъ всемогуществѣ Карловны: захочетъ—мѣсяцъ съ неба украдетъ и звѣзды въ мѣшокъ соберетъ, захочетъ—подыметъ вихрь и выбьетъ градомъ поля хоть на сто верстъ вокругъ, захочетъ—сядетъ на метлу и полетитъ въ невѣдомыя страны, за тридевять земель, въ тридесятое царство. Вотъ эти то полеты, въ особенностяхъ, и соблазнили воображеніе пылкой Кати. Да до того, что отбили ее отъ пицци, ѣды и всякой иной мысли: хочу летать!... Дѣвочка скрытная, рѣшительная, хитрая, она долго выпрашивала старшихъ, какими средствами Карловна летаетъ. Но, получая неудовлетворительные отвѣты, пришла къ заключенію, что, кромѣ Карловны, этого секрета никто не знаетъ, значить, надо поучиться у нея самой. Для всѣхъ дѣтей въ Коткинѣ Карловна была пугаломъ и страшилищемъ, а изба ея предполагалась такимъ ужаснымъ мѣстомъ, даже близъ котораго ходить опасно, а ужъ внутрь войти—сохрани Господь и помилуй. Но безстрашная Катя не отступила и предъ этой адскою опасностью,—проникла къ Карловнѣ и приступила къ ней съ просьбами:

— Научи меня летать!

Карловна, воображая, что дѣвочка пришла лечиться, по обыкновенію, забормотала:

— Къ Чучѣ. Стунай къ Чучѣ. Къ Чучѣ.

Катя пробралась и къ Чучѣ. Та выслушала, ухмыльнулась и—будто серьезно—возразила:

Товарищи по оружію—товарищи по пути.

—Летаютъ только вѣдьмы. Что же, ты хочешь повѣдмиться?

—Ну, и повѣдмюсь,—отвѣчала Катя.— Затѣмъ и пришла. Повѣдмите меня, тетенька.

вѣры то христіанской? Вѣдь ужъ тогда— въ церкву не ходить, причастія не принимать; крестъ съ себя снять и ногами попать, черному присягнуть и кланяться.

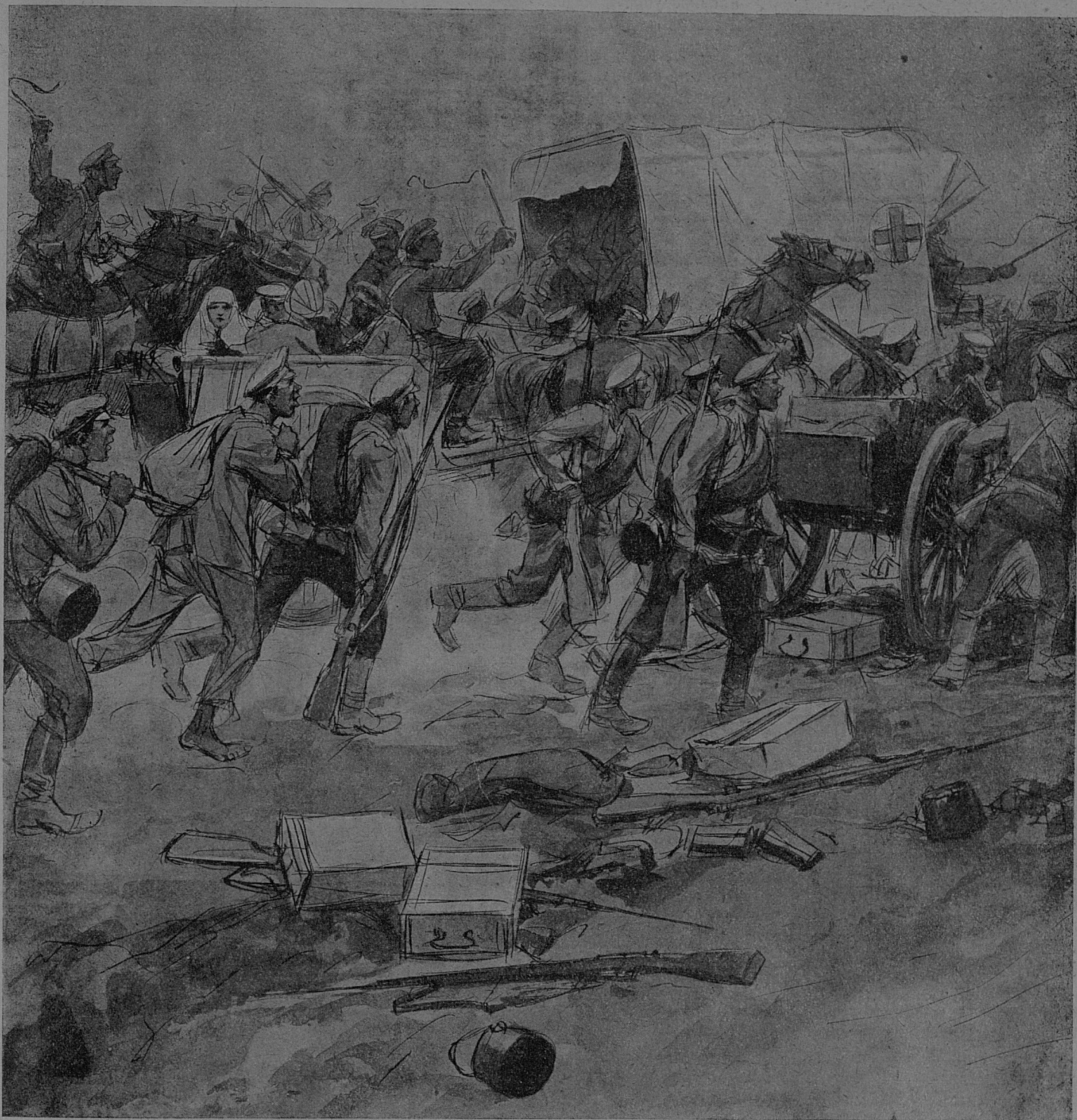
слова не молвить,—самой не сознаваться, другихъ не выдавать....

Катя подумала и рѣшительно предложила:

—Что жъ? Испытай!

При первой вѣсти о демобилизаціи.

По разсказу очевидца, рисунокъ для журнала «Огонекъ» худ. И. АЛЕКСАНДРОВА.

Тронулись....

Былая воинская дисциплина рухнула вмѣстѣ съ революціей; новая революціонная дисциплина не успѣла наладиться въ сумятицѣ русской жизни. И демобилизація, какъ организованное разоруженіе арміи, превратилась на нѣкоторыхъ мѣстахъ фронта въ бѣгство вооруженныхъ толпъ, подобное безпорядочному отступленію передъ непріателемъ.

—Повѣдмить я тебя могу,—согласилась Чуча,—но знаешь ли ты? За это, ты должна принять на себя всѣ мои грѣхи.

—Ну—что жъ? И приму!—нисколько не испугалась Катя.

—О!? Ну, смѣла!... А еще отречься отца и матери, рода и племени....

—Да у меня ихъ нѣту, родителей то,—Ой, и впрямь забыла, что ты найдена!.... Ну, а какъ же на счетъ

Катя на всѣ требованія выразила— безъ малѣйшаго колебанія—полное согласіе. Черемиска смотрѣла на нее, дивуясь, во всѣ глаза и думала:

«Вотъ бѣсъ-дѣвка! Погоди же ты: я тебя!»

—А испытанія выдержишь?—спросила она.

—Какія испытанія?

—А такія: терпѣть муку боевую, муку водяную, муку огненную,—терпѣть

—И то испытаю,—сказала Чуча.—Раздѣвайся до гола и ложись на скамейку, мордой внизъ.

Катя раздѣлась и легла. Тогда черемиска связала ей подъ скамьей руки, прикрутила къ скамьѣ ноги, взяла отъ порога вѣникъ, выдернула пруть и принялась сбъч дѣвочку безпощадно. Катя долго терпѣла, молча, думая, что такъ надо,—наконецъ, взмолилась:

—Тетенька Чуча, больно!

Военный инженер профессор Шварцъ, назначенный 10 марта военным руководителем петроградского района. Ему присваиваются права не только начальника петроградского гарнизона, но и вообще всех воинских сил петроградского района, а следовательно инж. А. В. Шварцу будут подчинены все учреждения и управления, вдовавшие до сих пор этим силам.

— Ага! больно? А вѣдьмой хочешь быть?

— Хочу.
— Терпи.

Закусила Катя губу, терпитъ,—опять не сдержалась, застонала, взмолилась: больно!—и опять услышала:

— Вѣдьмой хочешь быть?
— Хочу.
— Терпи.

Но, по третьему пруту, никакого терпѣнья не стало и Катя зарыдала, завыла на голосъ:

— Не хочу быть вѣдьмой, не хочу. Тетенька, пожалѣй, отвяжи.

А тетенька сѣкла, да приговаривала:

— А, теперь—не хочу! То то! Такъ ты вѣдьмиться! Вотъ я тебя, озорницу, повѣдьмлю! Что отцаматери нѣтъ, на казать тебя некому, такъ ты страхъ и совѣсть забыла! Врешь: я тебѣ—за отца и за мать... Будешь знать, какъ летать! Будешь знать, какъ въ вѣдьмы проситесь!..

Бѣдная Катя, истеганная до живой крови, едва вырвалась отъ черемиски, убѣжала, какъ шальная, и не домой въ Китино, а въ лѣсъ, такъ что встревоженной Чучѣ пришлось самой идти ее искать и ловить. Къ счастью, она не успѣла скрыться далеко, и черемиска легко ею овладѣла и привела ее назадъ въ Тонорное... Здѣсь охотная и ловкая старуха умѣла помириться съ оскор-

бленной дѣвочкою, доказала ей, что она хотѣла и искала нелѣпости, и онѣ—старая и малая—разстались друзьями.

Карловна умерла не менѣе странно, чѣмъ жила. Однажды, управляющій Грушинскаго, придя къ экономкѣ съ докладомъ по усадьбѣ, заявилъ:

— А Карловну намъ, Марья Матвѣевна, убрать надо...

— Зачѣмъ? Куда?

— Ужъ не знаю, куда, въ городъ, что ли, въ больницу или въ богадѣльное заведеніе, но только—безпремѣнно. Иначе можетъ быть нехорошо. Мужички наши хотятъ ее убить.

— Карловну? Въ умѣ они? За что?

— Да—животъ у нея вспухъ. Надо думать, болѣзнь какая нибудь, потому что, дѣйствительно, видъ ужаснѣйшій: гора горой. Чуча осматривала, говорить, растеть у нея въ животъ внутренняя кила, называется кистою. А мужики не вѣрятъ, думаютъ: брюхата.

— Вовсе рехнулись! Старухѣ—мало, если девятый десятокъ.

— Тѣмъ и смущаются. Ворчатъ, что нарушено естество и—кто ее знаетъ, что она носить? Какъ разродится антихристомъ, да примется онѣ насъ палить да мучить? Лучше пришибить ее заблаговременно... вмѣстѣ съ нечистымъ дѣтищемъ. А избу спалить: оно и чисто будетъ.

— Чего чище! Цѣлою деревнею въ Сибирь пойдутъ.

— И очень просто. Да развѣ втолкуешь?! Народъ—дикарь. Только что кресты на шеѣ, а то не лучше черемисовъ.

Петроградъ въ эти дни.

Обученіе красноармейцевъ стрѣльбѣ.

По фотографіи Я. Штейнберга.

Вмѣсто регулярной арміи большевистское правительство рѣшило создать добровольческую красную социалистическую армію, оставивъ служащихъ въ ней весьма хорошими матеріальными условіями. Однако, по словамъ большевистской „Правды“, на собраніи, устроенномъ петроградскимъ совѣтомъ профессиональныхъ союзовъ, въ присутствіи т.т. Рязанова и Ларина, было заявлено, что въ Петроградъ въ красную армію записалось всего около 8000 человекъ. Напримѣръ, на такомъ огромномъ заводѣ, какъ „Треугольникъ“, записалось въ красноармейцы всего 13 человекъ. То же самое явленіе наблюдается и въ Москвѣ.

Статсъ-секретарь д-ръ фонъ-Кюльманъ, глава мирной нѣмецкой делегаціи въ Брестъ-Литовскѣ

— И съ чего сбѣсились. Кажется, сколько лѣтъ ладили со старухой, никакихъ непріятностей не было...

— Да они и сейчасъ говорятъ, что Карловною очень много довольны и всегда готовы за нее Бога молить, хотя она и водится съ нечистою силою. Но такъ какъ она неправильно брюхата и неизвѣстно, какого сатану родить, то ужъ лучше, чѣмъ жить подъ такою страстью, покончить старушечку: міру польза, а ей не въ обиду, — слава те Господи, погуляла на землѣ довольно, не до ста же лѣтъ жить...

Въ результатѣ донесенія Карловна въ ту же ночь пропала безъ вѣсти. Сперва думали, что это ея обычная лѣсная отлучка; потомъ, когда минуло больше недѣли, стали сомнѣваться, не унесли ли вѣдьму черги.

Но мѣсяцъ спустя узнали, что Карловну похитилъ совсѣмъ не чортъ, а, напротивъ, священникъ почтеннѣйшій киткинскій батюшка, о. Маркель, при помощи фельдшера изъ Пня, Автонома Впеезина.

Прослышавъ отъ Марьи Матвѣевны о благочестивомъ дѣлѣ, которое затѣяли его прихожане, о. Маркель, хорошо зная ихъ свѣчай и обычаи, не потратилъ времени на напрасное увѣщаніе, а, просто, выкралъ, въ ночное время, старуху изъ ея избы и отвезъ въ Пенъ къ доктору Козлову. А Козловъ переправилъ ее въ губернскую больницу на психіатрическое отдѣленіе, гдѣ она вскорѣ и

скончалась. Антихриста передъ смертью не родила, но вскрытіе трупа обнаружило кисту чудовищнаго размѣра. Наши крестьяне были очень довольны такимъ простымъ походомъ дѣла и даже упрекали о. Маркела, зачѣмъ онъ отъ нихъ скрывался.

— Затѣмъ, — безцеремонно отвѣчалъ старикъ, — что вы, дураки, меня съ нею не выпустили бы.

— Это то точно, что не выпустили бы! — согласились мужики.

Александръ Амфитеатровъ.

Все это было ужасно.

Въ фойѣ, куда генеральша по привычкѣ вышла подпудрить носъ и посмотреть туалеты, «les autres» ходили густой тусклой толпой, стучали сапогами и «напирали» какъ въ трамваѣ.

Генеральша Кудакіна очень разстроилась.

Вдобавокъ предстояло идти домой одной по темнымъ и страшнымъ улицамъ, гдѣ грабятъ, какъ на большой дорогѣ. Нѣтъ, положительно игра не стоила свѣчь.

И чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ страш-

генеральша и не безъ граціи протянула ему руку.

— Мерси! Вы очень любезны!

— Тутъ такія горы, что нетрудно и ноги переломать, — говорилъ бюрократъ, поддерживая ее подъ руку. — Перейдемте на ту сторону, тамъ не такъ скользко.

Генеральша подбодрилась. Ему, очевидно, въ ту же сторону. Слава Богу, теперь не страшно.

— Н-да-мъ, вообще новые порядки! — неодобрительно покачалъ головою бюрократъ.

Петроградъ въ эти дни. — Самосудъ надъ грабителями.

По фотографіи для „Огонька“.

Толпа смотритъ съ Измайловскаго моста на разстрѣляннаго и брошеннаго въ Фонтанку грабителя.

Увы, этотъ печальный снимокъ, рѣдкій на страницахъ журнала только потому, что до сихъ поръ русская жизнь не давала такихъ иллюстрацій, можетъ быть уже названъ типичнымъ, бытовымъ для первой русской столицы. Личная и имущественная безопасность петроградцевъ сведена къ нулю. По вечерамъ и, конечно, ночью, только смѣльчаки или особо привилегированные вооруженные люди показываются на улицахъ. На смѣну мелкимъ ворами и взломщикамъ пришли вооруженные грабители, ставящіе на карту свою жизнь. И озлобленное населеніе мститъ за себя ужаснымъ самосудомъ. Жизнь за жизнь!..

СВОИ ЛЮДИ.

Разсказъ ТЭФФИ.

Въ театрѣ было пусто и холодно.

Многіе, чтобы отогрѣться, а можетъ быть просто изъ боязни запоздать къ трамваю, надѣвали шубы въ послѣднемъ антрактѣ и такъ въ шубахъ и досиживали цѣлое дѣйствіе.

Генеральшѣ Кудакіной всѣ эти порядки очень не нравились. Все казалось ей и грубымъ, и неприличнымъ.

Она давно не была въ оперѣ и теперь чувствовала себя, какъ въ лѣсу.

— Гдѣ Арданова? Гдѣ княгиня? Гдѣ Левантъ-Тамурѣва? — Никого! «Les nôtres» отсутствовали. Въмѣсто нихъ пришли «les autres», пришли въ блузахъ, въ смазныхъ сапогахъ, въ шерстяныхъ кофтахъ, разсѣлись на барьерахъ ложъ, громко хохотали, съ трескомъ откусывали принесенное въ карманѣ яблоко, аплодировали тамъ, гдѣ не надо, и громко вызывали кого не слѣдовало.

нѣе представлялась ей темная улица съ поджидавшими на ней темными личностями.

Изъ «les nôtres» не было буквально никого. Ясно, что придется идти одной.

Спектакль кончился. Она торопливо одѣлась и бросилась на улицу, застегивая на ходу пальто. Нужно держаться съ толпой. Не такъ страшно.

На площади передъ самымъ театромъ гряда сваленнаго слежавшагося снѣга. Торопясь скорѣе перейти улицу, генеральша влѣзла на одну такую гору и остановилась, не зная, какъ быть. Ноги скользили, — низачто не удержаться.

— Господи! Прямо хотъ ползкомъ!

— Сударыня, разрѣшите вамъ помочь! — раздался за ней мягкій басокъ. Она обернулась.

Передъ ней стоялъ средняго роста пожилой господинъ, типа бюрократа былыхъ временъ. Маленькія сѣдоватыя бачки, бритый ротъ, почтительныя манеры.

«Онъ изъ «les nôtres»! — подумала

— Вы изволили быть въ театрѣ?

— Да, я была въ оперѣ.

— А кто сегодня пѣлъ? — поинтересовался онъ.

Она назвала.

— Ужасъ! ужасъ! — возмущился старичекъ. — Развѣ можно имъ давать эти партіи! Развѣ при прежнихъ порядкахъ это было возможно!

— А вы, какъ я вижу, часто бываете въ театрѣ?

— При новыхъ порядкахъ — ни ногой. Зачѣмъ? Только себѣ кровь портить. Видѣли, кто теперь въ театръ пошелъ?

— Ахъ да! Ахъ да! — встрепенулась генеральша. — Это что-то ужасное! Сегодня буквально никого не было изъ «les nôtres».

— Вотъ то-то и оно! Сидятъ, глазами хлопаютъ, ничего не понимаютъ. А въ балетѣ — я какъ-то зашелъ, кое-кого изъ своихъ повидать по старой памяти, такъ, вѣрите ли, чуть со злости не заплакалъ. Танцуетъ Маклецова, а они

кричать: «Карсавина, браво», потому что въ программѣ по ошибкѣ Карсавину поставили. Нѣтъ, вы подумайте только: смотреть и не видать, кто танцуетъ. Тутъ какъ-то «Севильскій цирюльникъ» шелъ, такъ они автора вызывали. Какъ вамъ это нравится!

— C'est affreux! C'est affreux! — со-всѣмъ расчувствовалась генеральша.

— Бывало, парадные спектакли! Такъ вѣдь что это было! Блескъ, золото, генералитетъ! Дамы, брилліанты, перья! Накидки какія! Соболя! Возьмешь въ руки такую шубку, рука тонетъ. Души-стыя, мягкія.

— Ого! — игриво засмѣялась гене-ральша. — А вы, я вижу, понимаете кое что въ дамскихъ туалетахъ.

— Еще бы! Эдакая красота! Графиня Вестень, лѣвый бенуаръ, какія ножки! И всегда бѣлыя атласныя туфельки. И всегда ей нужно было ножки папирсо-ной бумагой обернуть, иначе она и ботинки не надѣнетъ.

— Зизи? Вы зна-ли Зизи?

— Очень красиво одѣвалась. Первый абонементъ.

— Скажите, вы у нихъ бывали, у Вестеновъ?

— Нѣтъ, только въ театрѣ видаль.

— А ее сестру вы тоже знаете?

— Да у той какъ то разъ былъ. Она просила зайти. Би-летъ ей завезъ.

Генеральша была очень довольна. Идти было не страшно и даже весело. Въ сущности простопріятно было, что она сразу угадала въ миломъ спутникѣ одного изъ «les nôtres». Она уже предвкушала, какъ расскажетъ объ этомъ мужу.

Она смѣло взяла своего спутника подъ руку и кокетливо прощепетала:

— Вы простите, что я такъ sans fa-çon! Но здѣсь до того скользко!

— Пожалуйста, я очень радъ.

«Какъ жаль», — думала генеральша — «что неловко спросить у него, кто онъ такой. Можетъ быть бывший министръ. Вотъ забавно было бы! Такое романи-ческое знакомство! Какъ бы навести разговоръ такъ, чтобы вывѣдать»...

— Да, скучныя пошлы времена! — вздохнулъ бюрократъ и замолкъ.

— А скажите: вамъ, навѣрное, очень скучно теперь... теперь вѣдь вообще всѣ дѣатели стараго режима сидятъ безъ дѣла.

— Н-да-съ. Конечно, скучно для чело-вѣка, привыкшаго работать. Ну, что-жъ, подождемъ. Живу пока у дочки. Подо-ждемъ! Еще вспомнить и о насъ! Вспо-

минать! Позовутъ! Не очень долго безъ насъ просуществуютъ. Позовутъ!

Генеральшѣ вспомнился знакомый са-новникъ, который буквально этими са-мыми словами говорилъ о своихъ наде-ждахъ. Буквально.

— Скажите, — спросила она, — вы не знавали Остриатинова?

— Нѣтъ, не доводилось.

— Онъ придерживался совершенно вашего образа мыслей. И знаете, мой мужъ — я васъ непременно съ нимъ по-знакомлю, — онъ вполне бы съ вами согласился... Хотя онъ сейчасъ избѣгаетъ всякой политики. Его нервы такъ по-трясены упраздненіемъ департамента. Вы вѣдь навѣрное тоже избѣгаете по-литики? Или вы не бросили надежды? Мнѣ вы можете все сказать. Мы свои люди. Вы сами видите, что мы свои люди.

— Нѣтъ, я политикой не занимаюсь.

Политикой пусть мальчишки занимаются. — Вотъ слѣдующій подъѣздъ уже мой — сказала, вздохнувъ генеральша, и

Петроградъ въ эти дни.

Набросокъ съ натуры для «Огонька» худ. М. ОЗЕРОВА.

Уборка снѣга интеллигенціей у казармъ.

Трудовая повинность, введенная въ столицѣ, несмотря на громадное количество чернорабочъ хъ, оставшихся свободными, вследствие закрытія фабрикъ и заводовъ, выразилась, главнымъ образомъ, въ очисткѣ отдѣльныхъ мѣстностей отъ снѣга и мусора. Особенно много работы дали казармы, оставленныя домобилизованной регулярной арміей и приготовляющіяся для вселенія красной арміи. Слабая физически интеллигенція и при бдительномъ надзорѣ за работой красногвардейцевъ все же не могла такъ успѣшно справляться съ новымъ, непривычнымъ для нея трудомъ, какъ сильныя и выносливыя, за то неприспособленные къ умственному труду чернорабочіе.

подумала, что, прощаясь онъ, конечно, представится ей.

— Чагиныхъ домъ. Знаю — сказалъ бюрократъ. — Я тутъ всѣ дома знаю. Еще бы! Двадцать шесть лѣтъ по этой до-рогѣ въ театрѣ бѣгалъ.

— Такъ часто бывали въ театрѣ?

— Да почти каждый день.

— Да что вы! Неужели вы такой театралъ? — удивилась генеральша, и сразу догадалась: у него была балетная интрижка или что нибудь въ этомъ родѣ.

— Н-да-съ! Двадцать шесть лѣтъ, это не шутка.

— Ну какъ это можно до такой сте-пени увлекаться театромъ! Вѣрно тутъ какія нибудь тайныя причины — хе-хе?

Она игриво погрозила ему пальчикомъ въ вязаной перчаткѣ.

Но онъ не улыбнулся. Онъ припод-нялъ шапку, вытеръ свой большой лы-сый лобъ и, вздохнувъ, отвѣтилъ.

— Нѣтъ-съ, я не увлекался. Я рабо-талъ. Я, сударыня, двадцать шесть лѣтъ прослужилъ капельдинеромъ въ этомъ самомъ театрѣ. Да съ!

Генеральша Кудакіна ничего не раз-сказала мужу о своемъ чувствѣ относи-тельно «les nôtres».

Она была сильно не въ духѣ и сей-часъ же легла спать, даже безъ чая.

Теффи.

Нуклы въ храмѣ.

(Японская сказка).

Д-ра БУНЬЮ НАНДЖІО.

Жилъ нѣкогда юный лама, по имени Готанъ. Серьезный и вдумчивый, онъ увлекался изученіемъ премудрой фило-софіи Будды. Люби-мымъ времяпрово-жденіемъ его было посѣщеніе ученыхъ лекцій на священнои горѣ Гіейзанъ.

И въ зной, и въ непогоду онъ безро-отно продѣлывалъ пятиверстное путе-шествіе пѣшкомъ, лишь бы къ назна-ченному часу ока-заться на мѣстѣ и не опоздать къ на-чалу чтенія.

На Гіейзанѣ и по сіе время стоитъ зна-менитый храмъ Эн-риакужи, воздвигну-тый великимъ Денгіо Даиши, основателемъ секты Тендай.

Подъ просторными сводами этого храма старый премудрый ученый Даитанъ давалъ ученикамъ своимъ комментаріи къ тремъ Сутрамъ, положеннымъ въ ос-нову вѣрованій и морали секты Тенгай. Всѣхъ же Сутръ

было свыше шестидесяти фоліантовъ, и на одно лишь бѣглое чтеніе ихъ по-требовалось бы не менѣе нѣсколькихъ лѣтъ.

Случалось порою, что лекціи премуд-раго Даитана затягивались далеко за полночь... Готанъ покорно и терпѣливо досаживалъ до конца. Дни шли за днями, уже мѣсяцы прошли, а чтеніямъ Даи-тана не предвидѣлось конца.

Съ каждымъ днемъ аудиторія рѣдѣла, съ каждымъ урокомъ слушателей ста-новилось все менѣе и менѣе... Къ концу четвертаго мѣсяца изъ двухсотъ бывшихъ энтузіастовъ стараго ученаго въ храмѣ остался одинъ лишь Готанъ.

Увидѣвъ, что лишь у одного ученика хватаетъ терпѣнія прослушать курсъ до

конца, старый Даитанъ обратился къ Готану со слѣдующими словами:

— Я началъ эти лекціи съ твердымъ намѣреніемъ довести ихъ до конца. Но теперь, увы! Всѣ слушатели разбрелись, остался одинъ лишь ты, Готанъ. Стоитъ ли мнѣ продолжать чтеніе ради одного тебя? Какой смыслъ въ томъ, скажи. Не лучше ли сегодня же закончить мнѣ свои чтенія?

Готанъ, опечаленный отвѣтилъ:

— Мени крайне удручаютъ слова твои, о премудрый Даитанъ. Ты, несомнѣнно, правъ, и не мнѣ учить тебя мудрости. Не осмѣлюсь я также просить тебя продолжать лекціи для меня лишь одного. Но я взялся бы привести тебѣ сюда новыхъ учениковъ, столь же внимательныхъ, но болѣе усидчивыхъ, чѣмъ тѣ, которые до сихъ поръ наполняли этотъ залъ. Согласишься ли ты тогда продолжить курсъ ученія?

Обрадовался Даитанъ предложенію Готана и охотно далъ свое согласіе.

Въ тотъ же день Готанъ отправился въ кварталъ Фушимы. Ему было извѣстно, что тамъ, въ одномъ магазинѣ, что подъ ракой бога—Лисы, продавались глиняныя фигурки маленькихъ божковъ и идоловъ; въ городѣ ихъ такъ называли «куклами Фушими».

Подойдя къ стоявшей у прилавка женщинѣ, Готанъ освѣдомился о цѣнѣ куколъ.

— А какого рода куклы прикажете показать?—спросила она.

— Нѣтъ ли у васъ куколъ, внѣшне похожихъ ну хоть бы на меня?

— Кажется, найдется. Осталась какъ разъ залежавшаяся коллекція фигурокъ юныхъ бонзъ,—и она стала передавать ему одну за другой множество куколъ въ широкихъ запыленныхъ одѣянѣхъ японскихъ и китайскихъ жрецовъ.

— Да, вѣдь, это именно то, что нужно мнѣ!—обрадовался Готанъ:—давайте мнѣ всѣ—все что есть!

Поднявъ тяжелую ношу, почти пригнбавшую его къ землѣ, Готанъ нап्रा-

Петроградъ въ эти дни.

По фотографіямъ Скобелевскаго Комитета для „Огонька“.

У Николаевского моста.

вился къ храму. Бережно рассадилъ онъ свои куклы по ларцамъ, придавъ имъ позу внимательно слушающихъ учениковъ.

Въ обычный часъ поднялся на каедръ ученый Даитанъ. Бѣгло взглянувъ на переполненную аудиторію, онъ самодовольно улыбнулся...

Но лишь только взглядъ упалъ на глиняныя безжизненные лица куколъ, какъ брови его нахмурились, а въ глазахъ появилось выраженіе ужаса и возмущенія.

Готанъ, окруженный куклами, поднялся съ мѣста:

— Учитель,—сказалъ онъ—я исполнилъ свое слово и привелъ тебѣ новыхъ учениковъ.

Но ученый еще болѣе насупился и, не выдержавъ, гнѣвно воскликнулъ:

— Не принимаешь ли меня за ребенка, котораго могутъ забавлять такія игрушки?!

— Премудрый Даитанъ, — невиннымъ тономъ продолжалъ Готанъ,—не самъ ли

ты сказалъ вчера, что согласенъ продолжать лекціи, если число твоихъ слушателей умножится. Смотри, какъ много здѣсь головъ. Не спорю, ты можешь многое сказать насчетъ качества и содержания ихъ. Но, повѣрь, мозговъ въ нихъ столько же, сколько было и въ тѣхъ, что ушли отсюда, не дослушавъ курса до конца. Если бы они остались—ты, вѣдь, продолжалъ бы читать для нихъ попрежнему. И, правду говоря, все обстоитъ сейчасъ такъ же, какъ и въ началѣ курса. Тогда былъ лишь одинъ ученикъ, которому нужны были твои лекціи. Тотъ же самый ученикъ у тебя остался и теперь.

Внимательно выслушавъ старый Даитанъ правдивыя слова Готана. И такъ какъ они заключали въ себѣ голую истину, онъ не находилъ возраженій.

Онъ согласился продолжить курсъ ученія для единственнаго вѣрнаго ученика своего. Все же, прежде, чѣмъ приступить къ чтенію, онъ настоялъ, чтобы всѣ куклы были выброшены вонъ.

— Ибо правду ты сказалъ,—съ самаго начала у меня былъ лишь одинъ ученикъ, и мнѣ стыдно было бы притворяться, будто ихъ стало больше теперь, къ концу моихъ лекцій.

Перев. Е. Евгеніевой.

Преступленіе Отпавшаго Листа.

Разсказъ А. С. ГРИНА.

I.

Ранумъ Нузаргетъ сосредоточенно чертилъ тростью на веселомъ пескѣ лѣтняго сквера таинственныя фигуры. Со стороны можно было подумать, что этотъ грустный, худой человекъ въ кисейной чалмѣ коротааетъ безполезный досугъ. Однако, дѣло обстояло серьезнѣе. Чертя арабески, изученныя линіи которыхъ, въ процессѣ ихъ возникновенія,

На Маринской площади.

Эти иллюстраціи нынѣшняго запакостеннаго Петрограда могли бы быть продолжены до какихъ угодно предѣловъ. Одна изъ центральныхъ площадей, у Маринскаго дворца,—невылазные сугробы. Въ иныхъ мѣстахъ снѣгъ и мусоръ завалили фонарные столбы, кіоски и ларьки. Освѣщеніе уменьшено такъ, что на улицахъ зги не видать, и обыватель не ходитъ, а пробирается, если служба заставляетъ его возвращаться послѣ заката солнца.

помогали его напряженной волѣ посылать строго оформленные волны беззвучнаго разговора—Ранумъ Нузаргетъ велѣ страстную рѣчь своей сильной, жестоко наказанной душой,—съ далекимъ угломи земли,—пріютомъ Великаго Посвященія.

Прошелъ часъ. Ранумъ высказалъ все. Раскаяніе, скорбь, тоска—ужасъ отверженности,—все передалъ изгнанникъ въ далекую, знойную страну, Великому Посвященію. Трепетъ незримыхъ струнъ, соединявшихъ его съ вездѣсущей волей Высшаго изъ Высшихъ,—того, чье лицо онъ, Ранумъ Нузаргетъ, не удостоился видѣть,—трепетъ опалъ. Струны исчезли. Ранумъ поднялъ голову и сталъ ждать отвѣта.

Передъ нимъ, вздѣ-впередъ, пестрой смѣной одеждъ и лицъ шло множество городского люда. Въ этомъ огромномъ городѣ, кипящемъ лавой страстей,—алчности, гнѣва, изворотливости, страха, тысячецвѣтныхъ вожделѣній, растерянности и наглости,—Ранумъ испытывалъ острые мученія духа, стремящагося къ покою блаженнаго созерцанія, но вынужденнаго пребывать въ грязи, крови и тьмѣ несовершенныхъ существъ, проходящихъ низшія воплощенія. Военный адъ и социальное землетрясеніе мѣшали ему совершать внутреннюю работу. Заразительность настроенія миллионновъ, чувствительная любому горожанину, съ неизмѣримо большею силой проникала въ Ранума, такъ какъ малѣйшее вниманіе его изомрненной силы позволяло ему читать мысли,—болѣе, знать всю сокровенную сущность человѣческой личности.

Онъ пристально смотрѣлъ на прохожихъ, временами любопытно оглядывавшихъ бѣлый халатъ, чалму и тонкое, коричневое лицо индуса съ неподвижными, черными глазами, остающимися въ памяти, какъ окрикъ или ударъ. Пока что Ранумъ не видѣлъ ничего особеннаго. Двигался прикрытый однообразной формой рядъ обычныхъ мерзостей, но среди нихъ на псходѣ срока ожидавшагося отвѣта, прошелъ нѣкто,—ничѣмъ не замѣчательный нашему наблюденію и поразительный для Ранума. Ему было лѣтъ тридцать; одѣтъ онъ былъ скромно, здоровъ, съ пріятнымъ, легкимъ лицомъ и твердой походкой.

Ранумъ глубоко вздохнулъ. Душа прохожаго, совершенно ясная ему, была мертва, какъ часы. Ея механическія функціи дѣйствовали отлично, свидѣтельствомъ чему служили живой, острый взглядъ прохожаго, его перегруженность заботами о семьѣ и пищѣ, но магическое начало души, божественный свѣтъ Великой силы потухъ. Роза, потерявшая ароматъ, могла бы стать символомъ этого состоянія. Душа прохожаго была убита многолѣтними сотрясеніями, ядомъ злыхъ впечатлѣній. Эпоха изобиловала ими. Безпрерывный ихъ рядъ, въ грубой схемѣ, возможно выразить такъ: тоска, тягость, насиліе, кровь, смерть, трупы, отчаяніе. Духъ, содрогаясь, пресытился ими, огрубѣлъ и умеръ—сталъ трупомъ всему волненію жизни. Такъ доска, брошенная въ

водоворотъ волнъ, среди многоформенной кипучести водныхъ силъ, неизмѣнно сохраняетъ плоскость поверхности, мертво двигаясь туда и сюда.

Ранумъ встрѣчалъ много такихъ людей. Ихъ путь требовалъ воспріенія. Межъ тѣмъ, уловивъ тонъ судьбы въ отношеніи этого прохожаго, іогъ видѣлъ, что не далѣе, какъ черезъ два часа,—мертвый духомъ умретъ и физически. Пока онъ еще не могъ опредѣлить, какой родъ смерти прикончитъ съ нимъ, но проникся къ несчастному великимъ состраданіемъ. Человѣкъ, оканчивающій свои дни съ мертвой душой, выходилъ навсегда изъ круга совершенствованія и конечнаго достиженія блаженства Нирваны. Онъ переживалъ свое послѣднее воплощеніе. Онъ терялъ все, не подозревая объ этомъ.

Прохожій, ужаснувшій Ранума, скрылся въ толпѣ, но индусъ, мысленно, видѣлъ его путь среди городскихъ улицъ. Пока онъ оставилъ его, прислушиваясь къ отвѣту Великаго Посвященія.

Отвѣтъ этотъ раздался, подобно шуму крови или музыкальному воспріятію. Онъ былъ мраченъ и кратокъ. Ранумъ услышалъ:

«Тому, чье имя нынѣ, — Отпавшій Листъ.

«Еще не конченъ срокъ очищенія.

«Ранумъ! Ты вернешься, когда не будешь страдать. Сильно земное въ тебѣ; разрушь и проснись».

II.

Ранумъ былъ жертвой силы воображенія. Ему давалось очень легко то, надъ чѣмъ другіе ученики іоговъ трудились годами. Начало воспитанія—отправныя точки концентрации внутренней силы, заключаются въ упражненіяхъ, часть которыхъ можетъ быть здѣсь рассказана.

Сидя въ строго условленной позѣ, въ обстановкѣ и времени, опредѣленныхъ вѣковымъ ритуаломъ, ученикъ представляетъ на своемъ теменн точку. Представленіе должно имѣть силу реальности. Слѣдующимъ усиленіемъ является превращеніе—воображеніемъ—этой точки въ пламенный уголь. Затѣмъ: уголь описываетъ сплошной огненный кругъ вокругъ сидящаго и плоскость круга вертикальна землѣ. Затѣмъ *кругъ* начинается вращаться справа налево, съ быстротою волчка—такъ, что сидящій видитъ себя заключеннымъ въ огненной сферѣ.

Средняя продолжительность—въ отдѣльности—достиженій этихъ такова: *точка*—отъ одного до семи дней; *уголь*—отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года; *кругъ*—отъ трехъ до пяти лѣтъ, и *сфера*—отъ пяти до семи.

Исключительная сила воображенія помогла Рануму овладѣть всей этой серіей упражненій менѣе, чѣмъ въ одинъ годъ. Тридцати лѣтъ онъ готовился уже принять Великое Посвященіе.

За три дня до совершенія таинства онъ палъ,—его смятъ бунтъ связанныхъ молодыхъ силъ, взрывъ желаній. Всѣ чистые цвѣты его духовнаго сада испепелились безудержнымъ пожаромъ. Находясь въ пустынѣ, въ полномъ одиночествѣ, ради послѣдняго сосредоточія высшихъ размышленій, онъ далъ себѣ—молніями воображенія, материализующаго представленія—все земное: власть, роскошь, нѣгу и наслажденіе. Сіяющій, разноцвѣтный рай окружалъ его.

Когда онъ очнулся, неумолимое приказаніе изгнало его въ міръ. Здѣсь, среди потоковъ темной, материальной жизни онъ долженъ былъ пробить до того времени, когда въ тягчайшихъ испытаніяхъ и соблазнахъ станетъ безстрастенъ и нѣмъ къ земному. Кромѣ того, подъ страхомъ полного уничтоженія, ему было запрещено проявлять силу. Онъ долженъ былъ идти въ жизни простымъ свидѣтелемъ временныхъ ея тѣней, ея обманчивой и пестрой игры.

III.

Скорбь, вызванная *ответомъ*, прошла. Поборовъ ее, Ранумъ услышалъ надъ головой яркій, густой звукъ воздушной машины. Онъ посмотрѣлъ вверхъ, куда направились уже тысячи тревожныхъ взглядовъ толпы и, не вставая, приблизился къ человѣку,

Петроградъ въ эти дни.

По фотографіи Скоб. Комитета для „Огонька“.

Въ ожиданіи „мѣщениковъ“.

Обложка предыдущаго № 2 „Огонька“ дала типичную картинку торга на Знаменской площади. „Мѣщениковъ“ съ ихъ разнообразнымъ провіантомъ ожидали съ кажлымъ поѣздомъ и множество народа, выгнаннаго голодухой, терпѣливо ждало у вокзаловъ въ надеждѣ на вольныхъ тор овецъ. Нашъ снимокъ сдѣланъ у Балтійскаго вокзала. Младшіе члены семействъ дежурятъ съ санками, пока старшіе стоятъ въ очередяхъ.

летѣвшему, подѣ голубымъ небомъ, на высотѣ церкви.

Бандитъ двигался съ скоростью штурмового вѣтра. За его твердымъ, сытымъ лицомъ, съ напряженными, налитыми злой волей чертами, и за всѣмъ его, хорошо развитымъ здоровымъ тѣломъ, сверкала черная тѣнь убійства. Онъ былъ пьянъ воздухомъ, быстротой и нервно возбужденъ сознаниемъ опаснаго одиночества надъ чужимъ городомъ. Онъ готовился сбросить шесть снарядовъ съ тѣмъ чувствомъ ужаснаго и восхищеніемъ предъ этимъ ужаснымъ, какое испытываетъ человѣкъ, вынужденный броситься въ пропасть силой ея гипноза.

Труба шестиэтажнаго дома скрыла на минуту бѣлое видѣніе, гулко сверлящее воздухъ, но Ранумъ—тайнымъ путемъ сознанія, постичь которое мы безсильны, — установилъ уже связь межъ бандитомъ и прохожимъ съ мертвой душой. Человѣкъ съ мертвой душой долженъ былъ погибнуть отъ снаряда, брошеннаго на углу Красной и Черной улицъ. Ранумъ заставилъ себя увидѣть его, медленно вышедшаго изъ лавки по направленію къ остановкѣ трамвая. Онъ увидѣлъ также, незаполненную еще паденіемъ бомбы, пустую кривую воздуха и понялъ, что нельзя терять времени.

«Да» — сказалъ Ранумъ, — «онъ умереть, не узнавъ радости воскресенія. Это — тягчайшее изъ злодѣйствъ, мыслимыхъ на землѣ. Я не дамъ совершиться этому».

Онъ зналъ, что погибнетъ самъ, вмѣшавшись, нематеріальнымъ проявленіемъ воли, въ матеріальную связь явленій, но даже тѣни колебанія не было въ его душѣ. Ему было дано понимать, чего лишается человѣкъ, лишаясь радости воскресенія мертвой души. Ужасъ потрясъ его. Онъ сосредоточилъ волю въ усиліе длительного порыва и перешелъ, — *внутренно*, — съ скамьи сквера на бѣлое сверло воздуха, къ пьяному изступленію человѣка и тамъ заградилъ его духъ безмолвными приказаніями.

Летѣвшій человѣкъ вздрогнулъ; имъ овладѣли смятеніе и тоска. Его члены какъ бы налились свинцомъ; въ глазахъ потемнѣло. Его сознаніе стало безвольнымъ сномъ. Не понимая, что и зачѣмъ дѣлаетъ, онъ произвелъ рядъ движеній, существенно противоположныхъ назначенію себѣ цѣли. Аппаратъ круто повернулъ въ сторону, вылетѣлъ надъ рѣкой, къ огромной пустой площади и, мягко нырнувъ внизъ, разбился съ смертельной высоты о кучи булыжника.

Ранумъ услышалъ гулъ неразрушительныхъ взрывовъ и понялъ, что со-

вершилъ преступленіе. Выпрямившись, спокойно сложивъ руки, онъ ожидалъ казни. Въ это время отъ клена, распустившаго надъ его головой широкія, тѣнистыя вѣтви, на колѣни Ранума упалъ, отклеванный птицей, зеленый листъ и Ранумъ машинально поднялъ предсмертный подарокъ дерева.

Тогда, изъ глубины дивныхъ пространствъ Индіи, изъ воздуха и изъ сердца Великаго Посвященія услышалъ онъ вѣсть, заставившую его улыбнуться:

«Братъ нашъ, Отпавшій Листъ ты совершилъ великое преступленіе!

«Оно прощено,—ради жертвы, передъ которою ты не остановился.

«Отнынѣ — оторванный, навсегда, отъ святаго дерева,—ты, слишкомъ непокорный, чтобы быть съ нами, но и не заслужившій уничтоженія, ибо воз-

Петроградъ въ эти дни.

По фотографіи для „Огонька“

Уличная продажа „горячаго, сладкаго“ какао.

Жизнь быстро приспособляется... Нѣтъ хлѣба,—и на улицахъ, въ бойкихъ мѣстахъ, давно уже прекратилась торговля пирожками и всякой дешевой снѣдью для занятаго рабочаго человѣка. У Александровскаго рынка,—прежде любимаго мѣста паломничества любителей-антикваровъ, а нынѣ своеобразной „житницы“ недоѣдающаго Петрограда,—первыми появились походныя лавченки, гдѣ можно получить стаканъ какао, болѣе питательнаго и пока что менѣе рѣдкаго „р дукта“, чѣмъ исконный русскій „чаекъ“. Тутъ же рядомъ—изъ-подъ полы можно купить за 35—40 руб. резиновыя калоши, за 10—12 руб. фунтикъ сахара, масла и т. д. и т. д.

сталъ противъ смерти духа,—будешь одинокъ и вѣчно зеленъ живой жизнью, подобной тому листу, какой держишь въ рукѣ».

Ранумъ поцѣловалъ душистый кленовый листикъ и съ легкимъ сердцемъ удалился изъ сквера.

А. С. Гринъ.

* * *

Я люблю незаконченность линій, Недосказанность жестовъ и фразъ, Неизвѣстность призывности синей Неизмѣнно-загадочныхъ глазъ. Я люблю однотонную бѣдность Сиротливыхъ разсвѣтныхъ лучей, Эфемерную блеклость и блѣдность Фантастическихъ лунныхъ ночей. Я люблю озаренность улыбки, Увлеченій минутный обманъ, Ускользающей, тонкой и зыбкой Несложившейся дѣвушки станъ. Я люблю невозможность желаній, Окрыленность воздушной мечты, Безконечность тревожныхъ исканій И безцѣльность земной суеты!

Б. Семеновъ.

ВО МРАКѢ.

Разсказъ БАРРИ ПЭНЪ.

(Съ англійскаго).

Гербертъ Доккетъ былъ профессиональный воръ и, притомъ, изъ неудачниковъ. На этотъ путь его привела случайная удача во дни его юности. Какъ-то, отправляясь на скачки, онъ забылъ захватить съ собой часы. На скачкахъ было тѣсно отъ многочисленной публики и, пробираясь сквозь толпу, Герберту удалось набить свои карманы девятью парами часовъ и восемью цѣпочками. Это вскружило ему голову и онъ вообразилъ себя талантомъ. На самомъ же дѣлѣ ему просто повезло, но и это счастье скоро оставило его. Съ тѣхъ поръ Гербертъ вѣчно жаловался на судьбу, не сознавая, что въ своихъ ошибкахъ онъ виновенъ, по большей части, самъ.

— Не понимаю, что это такое,—говорилъ онъ съ отчаяніемъ,—я, кажется, единственный человѣкъ въ моей профессіи, который всегда все дѣлаетъ наоборотъ. На этихъ дняхъ, напримѣръ, я долженъ былъ отравить собаку. Ну, и, конечно, я ошибся и отравилъ не ту. А когда я пришелъ вечеромъ, собака кинулась на меня. Какъ-то разъ я здорово набилъ себѣ карманъ. Но спускаясь съ лѣстницы, я опрокинулъ ее на себя и такъ заревѣлъ отъ боли, что меня тутъ же сцапали. И вотъ такъ всегда!

Изъ этихъ словъ можно заключить, что мистеръ Доккетъ вѣль очень замкнутый образъ жизни, расплачиваясь за свои неудачи. Какъ-то разъ, очутившись на свободѣ послѣ расплаты за одно изъ своихъ несчастныхъ приключеній, Гербертъ рѣшилъ навѣстить одно изъ предмѣстій, о которомъ слышалъ много

хорошего. Тамъ жили богатые коммерсанты, которые еще довѣряли простымъ запорамъ, а полиція въ этомъ краю считалась вполне безобидной.

Гербертъ отправился туда темной ночью, чтобы навести кое-какія справки. Въ то же время онъ рѣшилъ не звать, если ему что-нибудь попадется подъ руку.

Насколько можно было судить во мракѣ, ему очень пришлось по вкусу домъ на краю предмѣстья, стоявшій немного вдали отъ дороги. Тамъ, очевидно, всѣ уже спали, такъ какъ въ окнахъ не было видно свѣта.

«Можно было бы поработать тутъ и еще успѣть вернуться въ городъ съ послѣднимъ поѣздомъ,—соображалъ Гербертъ,—«надо взглянуть сначала, нѣтъ ли только собаки.»

Онъ осторожно вошелъ въ палисадникъ, но лая не послѣдовало. Тогда онъ подошелъ тихонько къ парадной двери и нажалъ на ручку. Дверь поддалась и открылась.

«Точно приглашаютъ меня» — подумалъ Гербертъ,—«не будемъ же терять золотыхъ мгновений...»

Онъ вошелъ въ домъ. Тамъ все было погружено во мракъ. Гербертъ закрылъ тихонько дверь за собой. Не было слышно ни звука—значитъ, все хорошо.

Онъ нащупалъ себѣ дорогу по стѣнѣ къ другой двери. Осторожно открылъ ее и, найдя выключатель, зажегъ свѣтъ. Вѣдь безъ риска ничего нельзя въ его дѣлѣ!

Комната оказалась столовой и многія вещи привлекли въ ней вниманіе Доккета. Но счастье и на этотъ разъ не захотѣло сопутствовать ему. Отъ неожиданнаго, яркаго свѣта Гербертъ громко чихнулъ и сейчасъ же услышалъ чьи-то торопливые шаги на лѣстницѣ.

Гербертъ сейчасъ же потушилъ свѣтъ.

Все опять погрузилось во мракъ и тотъ, кто спускался съ лѣстницы, рисковалъ, по соображеніямъ Герберта, сломать себѣ шею. Но хоть Гербертъ и на дѣлся на это, все же онъ рѣшилъ, на всякій случай, спрятаться, пока было время. Въ былые дни Герберту приходилось путешествовать по дешевому тарифу подъ диванами вагоновъ, и опытъ прежнихъ лѣтъ сослужилъ ему и теперь службу.

Открылась дверь и вошелъ мужчина. Онъ не зажегъ огня, но по походкѣ Гербертъ рѣшилъ, что это былъ большой и сильный человѣкъ.

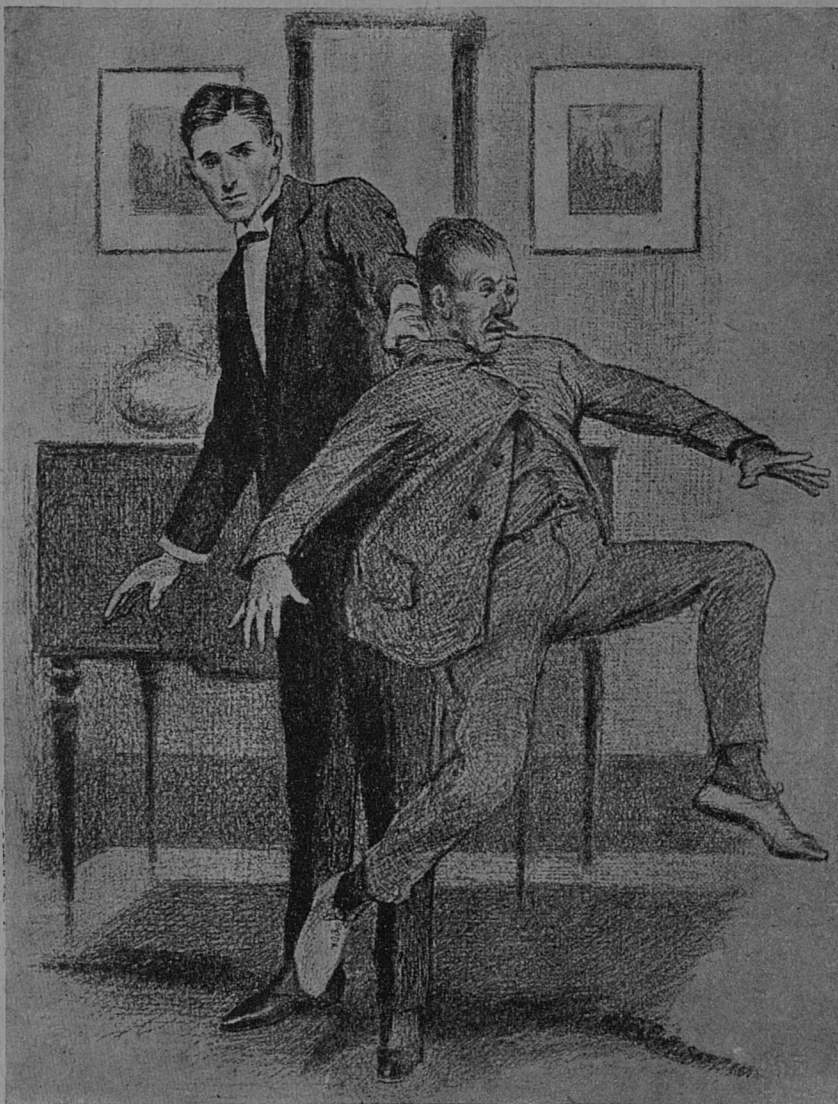
— Вылѣзайте изъ-подъ дивана, — сказалъ онъ сердито, — если не хотите, чтобы я прикончилъ васъ.

Это было болѣе, чѣмъ страшно. Откуда человѣкъ зналъ, гдѣ спрятался Гербертъ? Герберту стало жутко и онъ поторопился вылѣзти, бормоча:

— Сейчасъ, господинъ. Сію минуту... Я вамъ все объясню... Я видите ли ошибся и вошелъ не въ тотъ подъѣздъ...

— Молчите...—пара большихъ рукъ схватили неудачника за воротъ его костюма.

— Вы не очень то экипированы для своей работы, — продолжалъ большой человѣкъ, — ни беззвучныхъ спичекъ, ни набора ключей, ни револьвера...

Неумолимая рука сейчасъ же вернула его на прежнее мѣсто.

— Что доказываетъ, что я говорилъ вамъ правду, — жалобно сказалъ Гербертъ.

— Мнѣ не нужно никакихъ доказательствъ. Мнѣ не нравится форма вашей головы, это признакъ преступнаго типа.

— Извините меня, но вы торопитесь съ заключеніями. Въ комнатѣ темно и вы не можете безошибочно судить о моей наружности.

— Это ничего ни значить. Во всякомъ случаѣ я слышалъ, какъ вы входили. Только я думалъ, что это вернулся мой слуга.

— Ну, что подѣлаешь! Вижу, что попался. Только не пойму я, что это за чудеса! Да вы бы зажгли свѣтъ...

— Свѣтъ? Ну, конечно, — большой человѣкъ повернулъ выключатель. — А что вы тамъ еще бормочете о чудесахъ?

— Простите меня, но когда я вошелъ въ домъ, не было никакого шума. Какъ же вы наверху могли услышать это? Потомъ въ полномъ мракѣ, вы сбѣжали съ лѣстницы и не сломали себѣ шею... Войдя въ комнату, въ которой не было огня, вы увидѣли меня какимъ-то образомъ подъ диваномъ, а потомъ обсуждали мою наружность, продолжая находиться во мракѣ. Развѣ все это не чудеса!..

Большой человѣкъ разсмѣялся.

— Ну, такъ и быть, объясню вамъ это чудо. Дѣло въ томъ, что вы имѣли несчастье забраться въ домъ слѣпного человѣка. Поэтому то всѣ мои остальные чувства развиты больше, чѣмъ у зрячихъ. Я услышалъ, какъ вы вошли потому, что мой слухъ очень тонокъ. Домъ свой я знаю наизусть, поэтому и не сломалъ себѣ шею на лѣстницѣ. О томъ, что вы подъ диваномъ я догадался, услышавъ ваше дыханіе и запахъ спирта. Вы, вѣрно, выпили слегка, отправляясь сегодня на работу...

Гербертъ, оправившись отъ испуга и подбодренный смѣхомъ большого человѣка, почувствовалъ приливъ храбрости.

— Это великолѣпно, — воскликнулъ онъ, — но такъ какъ я у васъ ничего не взялъ и не причинилъ вамъ вреда то вы, взглянувъ на все это приключеніе трезво...

— Слѣпой ни на что не можетъ «взглянуть» — сурово возразилъ тотъ. — А вотъ и шаги моего слуги; черезъ мгновенье и вы ихъ услышите. Онъ покажетъ вамъ дорогу въ полицію, хотя вы и сами могли бы найти ее.

Это будетъhalbway изъ сада, тринадцатый домъ по лѣвой же сторонѣ. Но такъ какъ вы зрячій человѣкъ, а значитъ только наполовину развиты, то я не довѣряю вашей памяти и дамъ вамъ въ провожатые своего слугу.

Гербертъ, задержавъ дыханье, безшумно проскользнулъ къ двери. Но неумолимая рука сейчасъ же охватила его и вернула на прежнее мѣсто. Отъ сильнаго толчка онъ очутился на полу.

— Господинъ, — сказалъ онъ, медленно поднимаясь, — уже лучше было бы, если бы вы все видѣли, да рука у васъ была бы полегче...

Перев. А. Д'Анволь.

Изъ—подъ нависшаго пѣшеходнаго мостика выдвигаются—одинъ за другимъ—вагоны, и ихъ быстро разгружаютъ: узкія ручки барышень, поблескивающія полированными ноготками, жилистые руки старыхъ домовладѣльцевъ, цѣпкіе пальцы рьяныхъ въ работѣ гимназистовъ и студентовъ...

Дама въ мѣховой шапочкѣ и страховомъ поношенномъ и совсѣмъ не по сезону боа тащитъ салазки съ дровами, перетянутыми обледѣннѣлой бичевкой.

Рядомъ чиновникъ—изъ породы «саботажниковъ», то есть попросту порядкомъ голодающихъ, приводитъ въ порядокъ не привычныя взору папки съ департаментскими бумагами, а полѣнья, на которыхъ береста заворачивается, какъ корешки на архивныхъ, туго переплетенныхъ папкахъ...

Дѣти, забравшись на платформы, швыряютъ внизъ. Изловчившееся «старшее поколѣніе» на легу ловко подхватываетъ и укладываетъ въ мѣрку-погонь.

Парижскіе «икарійцы», переплывшіе океанъ, чтобы на канадскихъ поляхъ опроститься до совершеннѣйшаго «толстовства», здѣсь, въ увеличенномъ составѣ, могли бы смѣло видѣть своихъ невольныхъ приверженцевъ...

Во всѣ стороны Петрограда лежатъ поселки и посады, гдѣ интеллигенція работаетъ такъ же, какъ любой черно-рабочій...

Скоро эта простота, спокойное отношеніе къ мускулистому труду шагнетъ, вѣроятно, отъ периферіи къ центру, къ столицѣ... Скоро и мы въ столицѣ научимся работать:

— По икарійски...

Или, по малой мѣрѣ:

— По озерковски!..

* * *

...Подъ самымъ Петроградомъ, туда за селомъ Михаила-Архангела, на низменныхъ берегахъ Невы, освобожденной отъ гранитныхъ, крѣпкихъ объѣтій, лежатъ на илстой землѣ картофельныя колоніи нѣмцевъ.

Все въ этихъ колоніяхъ, послѣ унылаго російскаго, отошалаго жанра, покосившихся слѣпыхъ домиковъ, граци-

ныхъ гнѣздъ на умершихъ осинахъ, грязи, угрюмой голодовки, откровенной апатіи,—поражаютъ и домовитостью и твердопамятной солидностью каменные амбары, склады, машины, сытые кони, выѣзды...

Огромные доходы даютъ теперь картофельнымъ «плачтаторамъ» поля, дающія нынче почти «монопольное» питаніе... Хлѣба нѣтъ. Картофель по баснословной расцѣнкѣ еще можно достать.

Недавно оголодавшие жители столичныхъ окраинъ и пригородныхъ деревень придумали невѣроятный способъ доставки картофеля.

Ввиду того, что на пути «уполномоченныя» и не очень-то уполномоченныя лица перехватывали лакомый продуктъ, люди, весьма предприимчивые, но не брезгливые, привозили къ себѣ картошку въ... ассенизаціонныхъ, начисто промытыхъ бочкахъ.

Нельзя сказать, что такая «контрабанда» могла бы возбуждать гастрономическія эмоціи... но ѣсть хочется. Со многимъ мирится съ голоду возбужденный человѣкъ...

Торжествомъ отдаетъ отъ саней, «легально» доставившихъ картофель въ продовольственную лавку—подъ городомъ.

На свѣжемъ «провинціальномъ» воздухѣ—еще пуще кушать хочется...

* * *

Совсѣмъ жанръ изъ печенѣгскаго періода російской бытовой исторіи.

Въ сторонѣ, подъ студенымъ порывомъ вѣтра, покачиваются малахитовыя верхушки елокъ... Домики въ зимней обновленной зелени хвойныхъ иглъ залегли какъ дозорные.

На «трактѣ», шоссе, пересѣкающемъ носелокъ зимогоровъ и ведущемъ къ питерской заставѣ, милиціонеры, наконецъ-то, изловили финна, везущаго на потребителемъ столицы свѣжую убоину, телятину.

Человѣкъ въ котелкѣ, изъ подъ котораго свѣтится желтымъ огнемъ волчій насытый взоръ, весьма рьяно помогаетъ обыску и приподнимаетъ полотнище со свѣжатинки.

Мясо будетъ «реквизировано» и послѣ разрубки пойдетъ въ раздробительную продажу «по божеской цѣнкѣ»...

Тщетно финнъ пытается возстановить свои «суверенныя

права». Во свояси онъ повернетъ на пустыхъ саняхъ и съ тощей пачкой кредитокъ. Не удалось расторговаться съ барышемъ...

Удастся въ другой разъ.

* * *

Предъ очередью, неизмѣнной очередью, появились «новые люди».

Медленно, какъ колѣнчатый змій, вползаетъ нахолодавшаяся очередь въ двери табачной лавки, гдѣ уже отдѣленные стоятъ стойками картонныя коробки.

Новой «фармаціи» дѣлецъ уже наматываетъ пристальный глазъ, отлично знаетъ, съ кѣмъ можно заговорить, съ кѣмъ нельзя.

Выбравъ соотвѣтствующаго покупателя, «дѣлецъ» подходитъ къ нему вплотную и, не давая опомниться, говоритъ:

— Хотите со мной работать?

— Работать? Съ вами? Да я васъ, милостивый государь, въ первый разъ вижу.

— Можетъ быть. Но я васъ то вижу не впервой...

— Какимъ образомъ?

— А очень простымъ, батенька! Простѣйшимъ. Слѣдилъ за вами.

Лицо покупателя турецкаго табаку вытягивается и пріобрѣтаетъ блѣдный оттѣнокъ. Ужъ не заподозрѣли-ли его въ въ «контрѣ»?

Дѣлецъ, немного улаживаясь видимымъ испугомъ, наконецъ, объясняетъ:

— Людей, сударь, прибираю, чтобы работали.

— Да я то при чемъ?

— Сейчасъ увидите! Прямо скажу. Я скупаю табакъ, котораго въ довольномъ количествѣ напасли въ Петроградѣ. Скупаю и вывожу въ мѣста, неподалеку лежащія, и тамъ, знаете-ли, вымѣниваю на продукты-съ... Смекаете? Обмѣнъ веществъ, а?

— То есть — вотъ какъ, ничего не понялъ...

— Сейчасъ объясню. Тамъ табакъ почти нѣтъ. У меня много агентовъ работаетъ, сносятъ ко мнѣ табакъ; семьями орудуютъ. Табакъ привожу въ порядокъ, везу за городъ, вымѣниваю на хлѣбъ, отбивную муку... Вамъ, хотите, мукою буду платить? Крупую, а? Ядрицей?

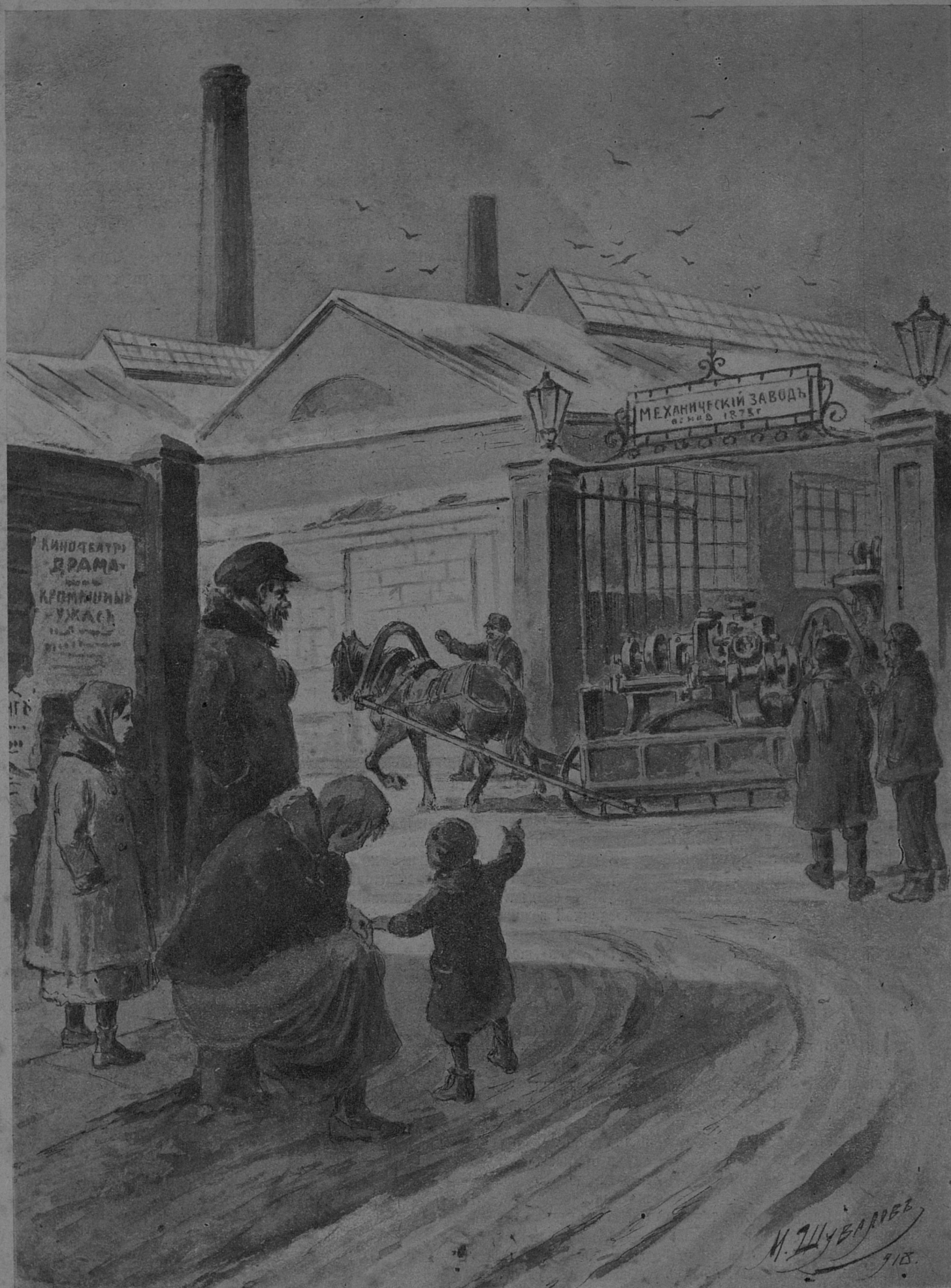
— Согласенъ!

— Тогда по рукамъ.

Сдѣлка состоялась. Человѣкъ завербованъ. Предпріятіе ширится, растетъ...

Авгуръ.

Остались безъ работы....

Рисунокъ съ натуры для журнала «Огонекъ» худ. М. ШУВАЛОВА.